

Николай НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ И ПОЭМ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(Рус)6-5
Н48

Серия основана в 2007 году

Некрасов Николай Алексеевич

Н48 Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 1117 с.: ил. — (Полное собрание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-1036-1

В настоящее издание вошло все поэтическое наследие великого русского поэта, писателя, драматурга и публициста Николая Алексеевича Некрасова (1821 — 1877) — стихотворения, поэмы, стихотворения, написанные в соавторстве и приписываемые ему. Исключения составляют редакции и варианты.

УДК 821.161.1
ББК 84(Рус)6-5

ISBN 978-5-9922-1036-1

© Художественное оформление
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

СТИХОТВОРЕНИЯ

МЫСЛЬ

Спит дряхлый мир, спит старец обветшалый,
 Под грустной тению ночного покрывала,
 Едва согрет остатками огня
 Уже давно погаснувшего дня.
 Спи, старец, спи!.. отрадного покоя
 Минуты усладят заботы седины
 Воспоминанием минувшей старины...
 И, может быть, в тебе зажжется ретивое
 Огнем страстей, погаснувших давно,
 И вспыхнет для тебя прекрасное былое!..
 И, может быть, распухнет зерно
 В тебе давно угасшей жизни силы,
 И новой жизнью заглохшие могилы,
 Печальный мир, повеют над тобой!
 И снова ты проснешься от дремоты,
 И снова, юноша с пылающей душой,
 Забудешь старые утраченные годы
 И будешь жить ты жизнью молодой,
 Как в первый день создания природы!

.....

Нет! тот же всё проснулся ты,
 Такой же дряхлый, обветшалый,
 Еще дряхлей без покрывала...
 Скрой безобразье наготы
 Опять под мрачной ризой ночи!
 Поддельным блеском красоты
 Ты не мои обманешь очи!..

СМЕРТИ

Не приходи в часы волнений,
 Сердечных бурь и мятежей,
 Когда душа огнем мучений
 Сгорает в пламени страстей.

Не приходи в часы раздумья,
Когда наводит демон зла,
Вливая в сердце яд безумья,
На нечестивые дела;

Когда внушеньям духа злого,
Как низкий раб, послушен ум,
И ничего в нем нет святого,
И много, много грешных дум.

Закон озлобленного рока,
Смерть, надо мной останови
И в черном рубище порока
Меня на небо не зови!

Не приходи тогда накинуть
Оков тяжелых на меня:
Мне будет жалко мир покинуть,
И робко небо встречу я...

Приди ко мне в часы забвенья
И о страстях и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе;

Когда я, дум высоких полный
Безгрешен сердцем и душой,
И бурной суетности волны
Меня от жизни неземной
Увлечь не в силах за собой;

Когда я мыслью улетаю
В обитель к горнему царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.

Я близок к небу — смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в небо перейдет...

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Жизнь без надежд — тропа без цели,
Страсть без огня, без искр кремьень,
Пир буйный Вакха без веселий,
Без слез тоска, без света день.

Жизнь без надежд — без силы воля,
Без пробужденья тяжкий сон;

О, как того ужасна доля,
Кто этой жизни обречен!

Он не живет; он без сознанья
Влачит томительные дни,
И цепью горького страданья
Влекутся медленно они.

Как отчужденный, с мрачной думой,
С немой печалью на челе,
Всегда унылый и угрюмый,
Он будто лишний на земле.

И в целом мире нет предмета,
Его способного пленить,
И вновь отступника от света
К нему в объятья заключить.

Глубоко в сердце уязвленный,
На всё он холодно глядит,
И уж ничто во всей вселенной
Его очей не веселит.

Всему он чужд — и нет тяжело
Его догробного креста,
И носит он на грешном теле
Печать поборника Христа...

ЧЕЛОВЕК

Когда сверкнет звезда полночи
На полусонную Неву,
Ряды былых событий очи
Как будто видят наяву...

Я мыслю: где ты, век деяний
Царя великого Петра?
Где гений мира, гений браней
И славы русского орла?

И слышу голос: «Слоем пыли
Давно покрыт прошедший век,
И дань обычную могиле
Вовремя отдал человек!»

Обоих нет. Но память века
С ним закатилась навсегда,
А память славы человека
Горит и светит как звезда...

ПОЭЗИЯ

«Я владею чудным даром,
Много власти у меня;
Я взволную грудь пожаром,
Брошу в холод из огня,
Из покоя в чад похмелья;
А как песенку спою,
Благотворного веселья
Море в сердце разолью;
Разорву покровы ночи,
Тьму веков разоблачу,
Проникать земные очи
В мир надзвездный научу.
Кто пленится сим чертогом —
Крылья дам туда летать,
С Аполлоном, гордым богом,
Наравне позволю стать.
Возложу венец лавровый
На достойного жреца
Или вмиг запру в оковы
Поносителя венца.
Я властна блаженства морем
Грудь страдальца напоить
Или вмиг счастливец горем,
Как стрелою, поразить...»

— Кто ж ты, гордая царица?
Тайну смертным обнаружь!
Светлый дух иль чаровница,
Обольстительница душ?..

Заструилась в небе змейка,
Свет блеснул, исчезла тьма:
«Я не дух, не чародейка,
Я поэзия сама!..»

МОЯ СУДЬБА

Мне плакать хочется, а плакать в мире стыдно,
Увидят люди — осмеют
И с едкой клеветой, с улыбкою обидной
Притворством слезы назовут.
О, горько жить, о, трудно пережить измену
Того, чем сладко было жить!..
Из чаши радостей я пил одну лишь пену,
Она мешала нектар пить...
Так прочь, прочь, чаша всех надежд и упований!
Не принесла мне счастья ты;
Меня сгубила ты; ты в чары ожиданий
Втравила тщетные мечты...
Я небу покорюсь... возьму другую чашу,
С ней съединю судьбу свою;
Не суетных надежд венком ее украшу —
Могильным плющем обовью.
И если слезы даст, по милости великой,
Бог, в утешение мое,
Презря и суд глупца и хохот черни дикой,
Наполню ими я ее.
И в день, когда совсем преполненная чаша
Ни капли боле не вместит,
Скажу «прощай» мятежной жизни нашей,
И дух мой в небо воспарит.
Там стану с ней, чужд черной ризы праха,
Все раны сердца обнажу
И у царя Судеб, как должного, без страха,
За них награды попрошу.

ДВА МГНОВЕНИЯ

Печальный свет лампы озаряет
Чело певца; задумчивый поэт
К себе гостей заветных ожидает,
Зовет, манит; напрасно всё: их нет!
Нейдут к нему чудесные виденья
И пусто всё; как меткою стрелой
Подстреленный орел, без крыл воображенье
На дне души томительный покой.
Как бременем подавленная, страждет
Его огнем горящая глава,
Он на листы то бремя сбросить жаждет,
Но силы нет, не вяжутся слова!

Для пылких чувств, для мысли благородной
Он не находит их; грудь скукою сперта,
Бессилен взрыв фантазии свободной,
И сердце жмет, как камень, пустота.
Он рвется, ждет; напрасно всё: ни звука!
Бессилен ум! и в этот долгий час
Его души невыразима мука;
Страдает он, — и жалок он для нас,
Как бедный труженик...

Но вот от небосклона
Святая благодать спускается к нему;
Горит чело любимца Аполлона
Огнем поэзии; восторгу своему
Не ведая границ, в порыве вдохновенья,
В созвучья стройные переливает он
Восторг души, святые помышленья
И всё, чем ум высокий поражен.
Связь с брэнною землей расторгнув без усилья,
Свободен как орел, могуществен как царь,
Широко распахнув развесистые крылья,
Над миром он парит. Везде ему алтарь!
Легко душе, воображенью воля,
Раскрыты перед ним земля и небосклон —
И в этот миг его завидна доля,
И безгранично счастлив он.

ИЗГНАННИК

Еще младенцу в колыбели
Мечты мне тихо песни пели,
И с ними свыклася душа.
Они, чудесной жизни полны,
Ко мне нахлынули как волны,
Напевом слух обворожа.
Вскипело сердце дивным даром,
Заклокотал огонь в груди,
И дух, согретый чистым жаром,
Преград не ведал на пути.
Отозвались желанья воле;
Однажды ею подыша,
В мир, мне неведомый дотолле,
Рванулась пылкая душа.
Отважно я взглянул, сын праха,
В широкий, радужный эфир;
Сроднилось сердце с ним без страха,
И разлюбил я дольний мир.

И долго там в стране лазурной,
Его чуждаясь, пробыл я
И счастье пил из полной урны
Полуземного бытия.
Мое сродство с подлунным миром,
Казалось, рушилось навек;
Я, горним дышащий эфиром,
Был больше дух, чем человек...
Но пробил час — мечты как тени
Исчезли вдруг в туманной мгле,
И после сладких сновидений
Я очутился на земле.
Тогда рука судьбы жестоко
Меня к земному пригнала,
Оковы врезались глубоко,
А жизнь за муками пришла.
Печально было пробужденье,
Я молча слезы проливал,
И вот, посланник Провиденья,
Незримый голос мне сказал:
«Ты осужден печать изгнания
Носить до гроба на челе,
Ты осужден ценой страданья
Купить в стране очарованья
Рай, недоступный на земле.
В тюрьме, за крепкими замками,
Бледнеет мысль, хладеет ум,
Но ты железными цепями
Окуй волненье мрачных дум;
Не доверяй души сомненью,
За горе жизни не кляни,
Молись святому Провиденью
И веру в Господа храни.
Над ложем слез, как вестник славы,
Взойдет предсмертная заря,
И воспаришь ты величаво
В обитель Горнего Царя,
В свою небесную отчизну...»
Умолк. И ожил я душой,
И заглушили укоризну
Слова надежды золотой...

И с той поры, изгнанник бедный,
Одной надеждой я живу,
Прошедшей жизни очерк бледный
Со мной во сне и наяву.

Порой знакомый голос слыша,
Я от восторга трепещу,
Хочу лететь, подняться выше,
Но цепь звенит мне: не пушу!
И я припомню, что в оковы
Меня от неба низвели,
Но проклинать в тоске суровой
Не смею жизни и земли.
И жизнь ли — цепь скорбен, страданий,
В которой каждое звено
Полно язвительных мечтаний
И ядом слез отравлено?
Наш мир — он место дикой брани,
Где каждый бьется сам с собой:
Кто — веры сын — с крестом во длани,
Кто в сердце с адскою мечтой.
Земля — широкая могила,
Где спор за место каждый час,
Пока всевластной смерти сила
Усопшим поровну не даст.

Я похоронен в сей могиле,
Изгнанник родины моей,
Перегорел мой дух в горниле
Земных желаний и страстей.
Но я к страданьям приучился,
Всегда готовый встретить смерть,
Не жить здесь в мире я родился,
Нет, я родился умереть...
Счастливицу прежде без границы,
Теперь отрадно мне страдать,
Полами жесткой власяницы
Несчастий пот с чела стирать.
Я утешительного слова
В изгнанье жизни не забыл,
Я видел небо без покрова,
Награды горние вкусил;
И что страданья перед ними!
Навек себя им отдаю,
Когда я благами земными
Куплю на небе жизнь мою
И, не смутясь житейской битвой,
Окончу доблестно свой век.
С надеждой, верой и молитвой
Чего не может человек??

РУКОЯТЬ

Сонет

Не рылся я в земле в надежде вырыть золото.
Приюта мертвецов в ночи не разгребал;
Но, каюсь, — из руки усопшего собрата
Нехитрый черенок я сделал на кинжал.

Она от гибели спасла меня когда-то:
Мне посланный удар ту руку оторвал
От тела храбреца — полмертвым он упал;
Воздать я не успел ему достойной платой,

Не мог его спасти. Нахлынули враги,
Молящим голосом он вскрикнул мне: беги!
Минуты не было последнему объятью,

Лишь руку я схватил и шпоры дал коню —
И с тех пор при себе кинжала рукоятью
На память друга я как жизнь ее храню.

ЖИЗНЬ

Прекрасно, высоко твое предназначенье,
Святой завет того, которого веленье,
Премудро учреди порядок естества,
Из праха создало живые существа;
Но низко и смешно меж нас употребленье,
И недостойны мы подобья божества.
Чем отмечаем, жизнь, мы все твои мгновенья —
Широкие листы великой книги дел?
Они черны, как демон преступления,
Стыдишься ты сама бездушных наших тел.
Из тихой вечери молитв и вдохновений
Разгульной оргией мы сделали тебя,
И губительно парит над нами злобы гений,
Еще в зародыше всё доброе губя.
Себялюбивое, корыстное волненье
Обуревают нас, блаженства ищем мы,
А к пропасти ведет порок и заблужденье
Святою верою нетвердые умы.
Поклонники греха, мы не рабы Христовы;
Нам тяжек крест скорбей, даруемый судьбой,
Мы не умеем жить, мы сами на оковы
Меняем все дары свободы золотой...

Раскрыла ты для нас все таинства искусства,
 Мы можем создавать, творцами можем быть;
 Довольно налила ты в груди наши чувства,
 Чтоб делать доброе, трудиться и любить.
 Но чуждо нас добро, искусства нам не новы,
 Не сделав ничего, спешим мы отдохнуть;
 Мы любим лишь себя, нам дружество — оковы,
 И только для страстей открыта наша грудь.
 И что же, что они безумным нам приносят?
 Презрительно смеясь над слабостью земной,
 Священного огня нам искру в сердце бросят
 И сами же зальют его нечистотой.
 За наслажденьями, по их дороге смрадной,
 Слепые, мы идем и ловим только тень,
 Терзают нашу грудь, как коршун кровожадный,
 Губительный порок, бездейственная лень...
 И после буйного минутного безумья,
 И чистый жар души и совесть погубя,
 Мы, с тайным холодом неверья и раздумья,
 Проклятью предаем неистово тебя.

О, сколько на тебя проклятий этих пало!
 Чем недовольны мы, за что они? Бог весть!..
 Еще за них нас небо не карало:
 Оно достойную приготовляет месть!

КОЛИЗЕЙ

Поросшие мхом, окаймленные плющом,
 Развалины древнего зданья стоят,
 Ничем не напомнят они о живущем,
 О смерти на каждом шагу говорят.
 Невольно сурово глядишь на руину
 И думою сходствуешь с нею вполне.
 Упавший обломок там вырыл стремнину,
 Там сирот колонна приткнулась к стене,
 Изрезало время морщинами темя,
 А ветер-нахал их насквозь просверлил,
 Карниз обвалился, как лишнее бремя,
 Широкие двери буран растворил.
 Изящные части загадочной грудой
 Являются в целом смущенным очам,
 Разрушено всё вековою причудой!
 Но — слава искусству и древним умам! —
 Еще нам напомнить и каждый обломок
 Способен об их исполинском труде,

И днесь устыдится правдивый потомок
Дерзнуть посмеяться его наготу.
Глаза не окинут огромной руины,
И в час не обскачет пугливый олень;
Во всем, как остаток великой картины,
Былого величья хранит она тень.
Угрюмое зданье! века пробежали,
Пока к разрушенью ты сделало шаг;
Ты крупная буква на темной скрижали
Прошедших столетий; ты им саркофаг.
Твой жребий чудесный невольно мечтами
Зажег вдохновенную душу мою;
Поведай мне, как ты боролась с веками,
Поведай прошедшую участь свою.
«Великим умом я задумано было,
И думу глубокую множество рук
В существенность тяжким трудом обратило,
В красе величавой восстало я вдруг.
Взглянуть на меня собирались отвсюду,
Мой вид был прекрасен, торжествен и нов,
Дивился весь мир рукотворному чуду.
В середине семи величавых холмов
Я грозной и прочной стояло твердыней,
И Рим, мне бессмертную участь суля,
Меня, ослепленный мятежной гордыней,
Мерилом назвал своего бытия;
«Покуда ты живо, и я не исчезну, —
Мечтал он, — тогда лишь, как миру конец,
Мы вместе провалимся в хаоса бездну».
Торжественной славой горел мой венец...
Наказан за гордость надменный мечтатель,
Мне многим досталось его пережить;
Хоть время, и люди, и жребий-каратель
С тех пор сговорились меня погубить.
Судьба к разрушенью мне путь указала:
Сперва как старик к нему тихо я шло,
Потом словно юноша быстро бежало,
А было уж старо и седо чело.
Что день, то я новые знало потери:
Все люди считали меня за свое
И рвали в куски, как голодные звери,
Невежды, изящное тело мое.
И вот от всего, что пленяло, дивило,
Безмерно гордился чем целый народ,
Осталась былого величья могила,
Теперь я скелет, безобразный урод.

Любуйся чудовищем с грустью мятежной,
Смотри и грусти обо мне надо мной,
Обдумай судьбу мою думой прилежной:
Невольно блеснут твои очи слезой.
Печален мой жребий, ужасен упадок!..
Но нет, не жалею меня, юный певец,
Удел настоящий мой темен, но сладок,
Тягчил меня славы прошедшей венец.
Ужасных картин я свидетелем было.
В день первый изменчивой жизни моей
Кровавое зрелище взор мой смутило:
В стенах моих звери терзали людей.
В годину гоненья на чад христианства
Неистово злоба в них рыскала вновь,
Страдало добро, ликовало тиранство,
Реками лилась христианская кровь.
А я содрогалось от хохота черни,
На мне отражался народный позор.
О, лучше б забвенья миллионами терний
Тогда ж закидало скорбящий мой взор!
Жалеть ли прошедшего с гибельной славой?!
Нет, странник, забыть я стараюсь его.
Взгляни: надо мною теперь величаво
Крест высится, веры святой торжество.
Там льется молитва, где страшная миру
Носилась речь злобы, как дикий буран;
Там амбра курений восходит к эфиру,
Где прежде дымилась кровь христиан.
О, я благодарно премудрому Богу!
Пусть сорван покров красоты с моих чресл,
Пускай, указуя к паденью дорогу,
Меня изуродовал времени жезл —
Зато мои темные дни не тревожны,
Давно не обрызгано кровью стою...
Нет, нет, ко мне милостив рок непреложный,
Он чужд укоризны за участь мою...
Чу! звон колокольный! иди на средину
Развалин печальных, к предвечному в храм,
И спой там не жалобный гимн на судьбину —
Мой гимн благодарственный спой небесам...»

АНГЕЛ СМЕРТИ

Придет пора преображенья,
Конец житейского пути,

Предсмертной муки приближенье
Заслышу в ноющей груди,
И снидет ангел к изголовью,
Крестом трикраты осеня,
С неизъяснимою любовью
И грустью взглянет на меня;
Опустит очи и чуть внятно,
Тоскливо скажет: «Решено!
Под солнцем жизнь не беззакатна,
Через час ты — мира не звено.
Молись!»— и буду я молиться,
И горько плакать буду я,
И сам со мною прослезится
Он, состраданья не тая.
Меня учить он будет звукам
Доступных Господу молитв,
И сердце, преданное мукам,
В груди их глухо повторит.
Назначит смертную минуту
Он, грустно голову склоня,
И робко спрашивать я буду:
«Господь простит ли там меня?»
Вдруг хлад по жилам заструится,
Он скажет шепотом: сейчас!
Святое таинство свершится,
Воскликнут ближние: угас!
Вдруг... он с мольбой закроет очи,
Слезой зажмет пустую грудь
И в вечный свет иль к вечной ночи
Душе укажет тайный путь...

ВСТРЕЧА ДУШ

I

Всё туманится и тмится,
Мрак густеет впереди.
Струйкой света что-то мчится
По воздушному пути,
В полугогненную ризу
Из лучей облечено.
Только час оттуда снизу,
А уж с небом сближено;
Без порывов, без усилья,
Словно волны ветерка,

Златом облитые крылья
Вольно режут облака.
Нет ни горести, ни страха
На блистательном челе.
То душа, со смертью праха
Отчужденная земле.
То от бедствий жизни бурной
Беспорочная душа
Юной девы в край лазурный
Мчится, волею дыша.
Век страдальцей высокой
На земле она была,
Лишь любовь глубокую
Да молитвою жила.
Но любви блаженством ясным
Мир ее не подарил;
Там с избранником прекрасным
Жребий деву разлучил.
Року преданная слепо,
Страсть она перемогла
И нетронутый на небо
Огонь невинности несла.
И блистателен и пышен
Был венец ее двойной,
Лёт торжественный, чуть слышен,
Сыпал искры за собой.
На недвижимый и безмолвный
Неба Божьего предел
Взор, уверенности полный,
Как на родину смотрел.
Только темное сомненье,
Мнилось, было на челе:
Суждено ль соединенье,
Там ли он иль на земле?

II

Слышно тихое жужжанье
От размаха легких крыл,
Пламень нового сиянья
Тучи грудь пробороздил.
Видит светлая другую,
Восходящую с земли,
Душу, в ризу золотую
Облеченную, вдали.

Ближе, ближе... вот сравнялись,
Вот сошлись на взмах крыла,
Быстро взором поменялись,
И приветно начала
Говорить одна: «Из мира
Многогрешного парю
В область светлого эфира,
В слуги Горнему Царю.
Грея грудь питомца горя,
Я там счастья не нашла;
Там, с людьми и роком споря,
Бед игрушкой я была.
Только раз лишь — помню живо
День и час — блаженства луч
Так роскошно, так игриво
Проблеснул мне из-за туч.
Деву с черными глазами
В мире дольнем я нашла
И, пленясь ее красами,
Всё ей в жертву принесла.
Но под солнцем несчастлива
Бескорыстная любовь!
Вверг, разлукой, прихотливый
Рок меня в страданье вновь.
На свиданье с ней надеждой
С той поры живу одной,
И теперь, когда одеждой
Я не связана земной,
Радость всю меня обильно
Наполняет и живит:
Верю, мне Творец Всесильный
Амариллу возвратит...»
— Амариллу? голос друга
Я узнала... я твоя!
Сладким именем супруга
Назову любимца я...
Нет здесь бедственной разлуки,
Вечен брак наш... Нет преград!
Наградил нас Бог за муки.
Как Он щедр, велик и свят!

III

И в блаженстве беззаветном
Души родственно слились

И в сиянье огнецветном
Выше, выше понеслись.
Понеслись под Божье знамя
Так торжественно, легко.
От одежд их свет и пламя
Расстилались далеко;
Счастья чистого лучами
Пышно рдело их лицо;
А венцы их над главами
Вдруг сплелись в одно кольцо —
Словно в знаменье обета
Всемогущего Творца,
Что для них свиданье это
Не найдет себе конца.

ИСТИННАЯ МУДРОСТЬ

Не всё постигнул ум надменный,
Не всё светло для мудреца,
Есть много тайн во вселенной,
Ключи которых у Творца.
От жажды знания плод не сладок.
О, не кичись, средь гордых дум,
Толпой бессмысленных догадок,
Мудрец! — пред Богом прах твой ум;
Твои открытия случайны.
Тебе поверил ли эфир
Свои божественные тайны,
Свою судьбу сказал ли мир?
Дала ли жизнь тебе способность
Постичь хоть самого себя,
Ясна ль очам твоим загробность,
Дно моря светло ль для тебя?
Понятны ль дивные явления
В природе неба и земли,
Пути планет, миров движенья,
Буран, что топит корабли,
Утроба гор, что родит золото
Иль мешет пламень и пожар?
Всезнания жаждою богатый,
Ты угадал ли тайну чар,
Во сне тебе дающих крылья?
В себе ты понял ли, скажи,
Боренье силы и бессилья,
Ничтожность тела, мощь души?

А своенравная судьбина,
 С которой бедственна борьба,
 Что

 Играет гением и шутом,
 Смиряет битвы, рушит мир,
 В невежде, гордостью надутом,
 Земным умам дает кумир;
 Не внемлет воплей, просьб и плача,
 Когда сурова и гневна,
 Которой нет щедрей, богаче,
 Когда раздобрится она, —
 Покровы тайны, хоть украдкой,
 С нее ты сорвал ли, мудрец?
 Не верим мы твоим догадкам:
 Ты жалкий скептик, ты не жрец.
 Земным умом измерить Бога,
 Постигнуть тайны бытия, —
 Нет, это дерзко, это много,
 Нет, это доля не твоя!
 Благоговеть пред мистицизмом
 И был и есть удел людей,
 На что ж преступным скептицизмом
 Мрачишь ты блеск души своей?
 Зачем запретные познания
 Тебе, рабу земных оков?
 Иль то для славы, для названья
 гения веков?
 Отринь губящий дух гордыни,
 Не льстись надеждой ни на миг,
 Что глас твой будет не в пустыне,
 Когда ты скажешь: всё постиг!
 Страшись снискать людей презренье,
 Небесной кары не накличь;
 Нет славы в дерзком покушеньи
 Непостижимое постичь!
 Не стыд — сознание бессилья
 Пред тем, что выше сил души.
 Оставь же тщетные усилия;
 Не жди, не мучься, не греши!
 С мольбой возмись за труд по силе,
 Путь к знаниям верой освети
 И с этим факелом к могиле —
 Всего отгадчице — гряди.
 Мужайся там, где слез пучина,
 Люби добро, как мать птенца,

И разлюби родного сына
За отступленье от Творца;
Будь бед своих сторонний зритель,
Чужих — чувствительный отец;
Всего великого ревнитель,
Всего ничтожного беглец;
Тип в совершенстве человека
В себе одном осуществи,
Собою тварь, на диво века,
Творца достойную, яви.
Вот в этом мудрость, в этом слава,
Твой долг, твой подвиг на земле!
Таким, не мудрствуя лукаво,
Явись, с смиреньем на челе..
И вознесешься ты высоко,
Блестая славою прямой, —
Как это огненное око,
Что смотрит днем на мир земной.

ЗЕМЛЯКУ

Бывали дни — в стране родной
Мы жили вместе, пылки, юны,
Но чисты сердцем и душой.
Судеб карающих перуны,
И Зевсов гром, и гром тревог,
И стрелы зависти коварной,
И стрелы молнии лучезарной
Щадили нас и наш порог.
Всё было тихо; без волнений
Текла цветущая весна,
Душа щитом беспечной лени
Была от бурь заграждена.
И нам казалось — тяжкий молот
Не раздробит его вовек;
И нам казалось — пламень, холод
И всё, чем дышит человек,
Тот щит лишь закалят надежней,
И навсегда он будет нам
Порукой в жизни безмятежной,
Ответом бурям и страстям.
Но затаенный долго пламень
Сильнее вспыхивает вдруг,
Но страшный порох рвет и камень, —
Так и тот щит, печальный друг,

Которым грудь мы прикрывали,
 Мгновенно страсти разорвали,
 Нам стали скучны ручейки,
 Долины, холмики, лески —
 И всё, чем в доле беззаботной
 В деревне счастлив земледел
 (Чему б теперь опять охотно
 Душой предаться я хотел).

Мы на чужбине. Рок забросил
 Далеко утлый наш челнок;
 Ты скоро сердце обморозил,
 Тревоги жизни пренебрег.
 Я был несчастней, я пил дольше
 Очарованье бытия,
 Зато потом и плакал больше
 И громче жаловался я.
 Так и всегда: чем лучезарней
 Сначала дольней жизни путь,
 Тем будущность темней, коварней,
 Тем глубже западает в грудь
 Тоски крушительное семя
 В минуты бедствий и утрат;
 И разве опыт, рок и время
 Его из груди истребят...
 Сбылись ли наши ожидания,
 Узнали ль мы то, чем желанья
 Палили кровь, томили ум?
 Узнали мы тоску, страданья,
 Мятеж страстей, волненье дум,
 Узнали дружбу — без участия,
 Привет и ласку — без любви,
 Узнали то, что в мире счастья
 Не уловить, как ни лови.
 Что на пиру воображенья
 Нарядом пышным и цветным
 Рядили мы, в пылу забвенья,
 То было призрак, было дым.

 Что хладно мучит и терзает,
 Ни каплей блага не живя,
 То всё младое сердце знает,
 То всё мы встретили, живя.
 А радость, а надежда славы,
 Любви и счастья даров?

Как осенью листья с дубравы,
Исчезло всё среди снегов,
К нам нанесенных вьюгой буйной
Измен крушительных и бед.
Что ж нам осталось в жизни бурной?
Что пронеслось, чего уж нет?
Нет веры в сбыточность мечтаний,
Которым предавались мы.
Есть опыт. Хладные умы
Он отучил от ожиданий,
От обольстительных надежд,
От дружбы женщин и невежд
И вечно ложных упований.
Мы всё забыли, погребли,
Что обольщает чад земли, —
И холод раннего бесстрастья
Нам скудной стал заменой счастья...

ГОРЫ

Передо мной Кавказ суровый,
Его дремучие леса
И цепи гор белоголовой
Угрюмо-дикая краса.
Мой друг, о сей стране чудесной
Ты только слышал от молвы,
Ты не видал в короне звездной
Эльбруса грозной головы.
Вот он. Взгляни, его вершина
Одета глыбами снегов,
Вокруг седого исполина
Стоят ряды его сынов.
Великолепные творенья!
Блестящая гордой красотой,
Они вселенной украшенья,
Подпора тверди голубой.
Взгляни на них бесстрашным взором!
Но ты дрожишь: что видишь ты?
Или сравненьем, как укором,
Смутились дерзкие мечты?..
Да, да... наследник разрушенья,
Я понял ясно мысль твою
И, не без тайного крушенья,
Ее правдивой признаю:
Здесь от начала мирозданья

Водворены громады гор,
И полон гордого сознания
Могучих сил их бурный взор;
Всеразрушающее время
Им уступать осуждено,
А между тем земное племя
В гробах истлело не одно.
Они всё те ж... основы твердой
Ничто разрушить не могло.
О, как торжественно, как гордо
Их величавое чело!
Всегда и холодно и бурно
Оно, закованное в лед;
Как опрокинутая урна,
Над ним висит небесный свод,
И солнце в отблесках узорных
На нем горит, как на стекле, —
Хребет возвышенностей горных,
Не чуждый небу, чужд земле.
Лишь изредка, под небосклоном,
Наскуча праздностью немой,
Сорвется с грохотом и стоном
Осколок глыбы вековой
И, весь рассыпясь мелким снегом,
Привет их долу принесет,
А дол туда же громким эхом
Благоговейный ужас шлет.

Картиной чудной вдохновенный,
Стою недвижим перед ней
Я, как ребенок умиленный.
Святой восторг души моей
И удивленья полны взоры
Шлю к тем же грозным высотам —
Чтобы заоблачные горы
Их передали небесам.

ЗЛОЙ ДУХ

Дух нечистый, дух порочный,
Как прокрался ты ко мне?
Для чего ты в час полночный
Здесь, со мной наедине?
Нет в очах твоих привета,
Как на давнем мертвце,
Лед бесстрастья на лице,

Злобной радостью одетом, —
 Только демонский восторг
 Смех неистовый исторг
 С уст, и он вместо ответа
 Мне понятно говорит:
 «Сам ты звал, за данью верной
 Я пришел!..»

Так лицемерный
 Демон душу сторожит.
 Так он вьется, в час паденья,
 Над головой во тьме ночей
 И вливает яд волненья
 В сердце холодом речей.
 Чудны, страшны эти речи!
 Часто им внимает ум,
 И от каждой новой встречи
 Больше в сердце мрачных дум.
 Дух коварный искушенья
 Ими душу окружит
 И мятежное сомненье
 В чистом сердце поселит.
 Всё, что юношу пленяло
 Дивным блеском красоты,
 Что неволью увлекало
 В область мысли и мечты, —
 Осмеет он; и под маской
 Долгой опытности, свет —
 Безобразя черной краской
 Зла, страданья, горя, бед —
 Назовет темницей душевной;
 И, ребенок простодушный,
 Ты погиб, когда его —
 Силой духа своего —
 Не отвергнешь!..

НЕЗАБВЕННАЯ

...Для сердца нужно верить.

Пушкин

О память, память! образ нежный
 Надолго в сердце заключи,
 Запри его рукой прилежной
 И брось ненужные ключи!..

Не дай забыть того мгновенья,
 Когда в полуночной тиши,

Затворник дум и вдохновенья,
Звучал я, полный восхищенья,
На струнах огненной души, —
И вдруг, чудесной невидимкой,
Как гений кроткий и благой,
Явилась дева предо мной,
Одета радужною дымкой
Туманной утренней зари,
В устах с улыбкою беспечной.
О память, память! сердцу вечно
Об ней мне в жизни говори!..

Я в ней искать единове́рца
В мою любовь, в мои мечты
Пойду везде. О сердце, сердце!
Зачем так страстно любишь ты?

Я не простыну до могилы...
Чуждаясь света и пиров,
В чертог заветный к де́ве милой
Искать лишь буду я следов.

И близ нее, в ее чертоге
Жить будет сердце век мое;
Или умру я на пороге
Жилища райского ее...

Но если это сон волшебный,
Одна мечта — и на пути
Тревожной жизни рок враждебный
Мне не судил ее найти?!

Я и мечту лелеять буду,
Любови к ней не погашу,
Свиданья сладкую минуту
На память сердцу запишу.
Солью мечтательное счастье
С моей существенной бедой
И жизни мрачное ненастье
Пройду бестрепетной стопой.
И верю — там, в стране лазурной,
Где радость и любовь вечна, —
В награду бедствий жизни бурной
Осуществится мне она.

ТУРЧАНКА

Гюльнара, гурия младая!
Как много пламени, лучей,

Любви, музыки, речей,
 Приветов, ласк и песен рая
 В живом огне твоих очей!
 Кто, кто, безумец, эти очи
 Отдаст за звезды ясной ночи?
 Кто не забудет горя, мук,
 Когда, как с арфы чудной звуки,
 В порывах радости иль муки
 Слетает с уст волшебный звук?
 А эти перси, моря волны,
 Кто не почтет, восторга полный,
 Тая любовь в душе своей,
 За чашу благ, в которой слито
 Всё, что небесное забыто
 В юдоли плача и скорбей?
 Вот кудри — вороновы перья;
 Черны, как гений суеверья,
 Как скрытой будущности даль,
 Роскошны, длинны и лоснисты, —
 За поцалуй в их шелк душистый
 Расстаться с жизнью не жаль.
 Вот стан, но кто не примет стана
 Лишь за воздушный круг тумана?
 Вот ножка, дивная краса!
 Под солнцем нет цветка, дорожки,
 Достойных бысролетной ножки,

.....

Пери, Пери! диво света,
 Ненаглядная краса!
 Слепляешь, как комета,
 Ты и чувства и глаза.
 Будто солнца луч полдневный,
 Вкруг тебя блистает свет,
 Смертоносен взор твой гневный,
 Жизнодарен твой привет.
 Пери, Пери! диво света!
 Ты пленила мысль мою,
 Я тебя, дочь Магомета,
 Фантазируя, пою.
 Как твои роскошны грезы,
 Как восторженны мечты,
 Как дрожат восточной розы
 Неги полные листы,
 Как дыханье беспокойно!
 Ты как солнце горяча,
 И огонь желанья знойный

Веет с груди и плеча;
Как растопленное золото,
Эта грудь нежна, чиста,
Но зато, как сталь булата,
Непорочностью тверда...
Пери, много дивной жизни
Затаила ты в себе;
Отчего ж в твоей отчизне
Нет поклонников тебе?
Скрыла ты под покрывалом
Прелесть юного чела
И от всех им, как забралом,
К сердцу двери заперла.

СОМНЕНИЕ

Ты начал жить. Роскошен жизни пир,
На этот пир ты позван для блаженства.
Велик, хорош, изящен Божий мир,
Обилен всем и полон совершенства.
Лазурь небес, безбрежный океан,
Дремучий бор, так пышно разодетый,
Седой зимы сердитый ураган,
И тишина торжественная лета,
И говор вод, и пенье соловья,
И над землей витающая птица,
И по волнам скользящая ладья,
И в небесах горящая денница,
И темнота безмесячных ночей,
Приют тоски, мечтаний и любви —
Картины чудные для сердца и очей.
Ты всем пленен, и пламя юной крови
В тебе зажгло высокие мечты,
Ты вспыхнул весь огнем полунебесным
И, вдохновлен картиной красоты,
Постиг Творца в творении чудесном.
Как праха сын, восторженным челом
Ты перед ним во прах повергся долу
И, до души проникнут божеством,
Послал мольбы к Всевышнему престолу.
Он, внемля им, благословил тебя.
Сопутствуем надеждою веселой,
Иди, иди, надежду полюбя,
Ты с ней свершишь без горя путь тяжелый.
Но берегись! приюта не давай
В душе своей мятежному сомнению,

Беги его и сердца не вверяй
Его всегда недоброму внушенью...
С ним страшно жить, беседовать грешно,
И если раз его к груди пригреешь —
С тобой навек останется оно,
Ты в нем навек врага себе имеешь...
Порыв души в избытке бурных сил,
Святой восторг при взгляде на творенье,
Размах мечты в полете вольных крыл,
И юных дум кипучее паренье,
И юных чувств неомраченный пыл —
Всё осквернит нечистое сомненье
И окует грудь холодом могил.
Везде увидишь ты расставленные сети,
Тебя смутят тревожные мечты,
И даже там, где смело ходят дети,
Остановясь, задумаешься ты.
Ни красоты природы, ни искусства —
Ничто души убитой не займет,
Тлетворный яд губительного чувства
Другие все из сердца изженет.
Полюбишь ты: сомненья призрак бледный,
Как адский дух, предстанет пред тобой,
Внушит совет и пагубный и вредный
И грудь зальет ревнивою тоской.
В ней закипит и бешено и страстно,
Как ураган, бунтующая кровь,
Но, мучимый сомнением всечасно,
Ты проклянешь безумную любовь.
Ревнивых чувств изгладишь впечатленье —
На сердце вновь и хлад и пустота,
Вотще искать ты будешь утешенья,
Нет, для него грудь будет заперта.
Участье дружелюбия, последняя отрада —
И от нее сомненье отвлечет;
Оно тебе врагом покажет брата
И друга доброго злодеем назовет.
Мир для тебя в пустыню обратится,
Его бежать, чуждаться станешь ты;
В груди навек сомненье приютится
И поселит в ней мрачные мечты.
Ты не отвергнешь их, привыкший сомневаться,
И скоро грешные мышления тайком
К тебе начнут глубоко прививаться
И созревать на сердце молодом.

И вот плоды несчастных размышлений,
 С сомнением томительных бесед:
 Ты, раб его неправедных внушений,
 Им омрачишь отрадной веры свет.
 Тогда, тогда — печатью отверженья
 Зажжет чело отступника позор,
 И торжество коварного сомненья
 Тебе прочтет последний приговор...

ПЕСНЯ

Мало на долю мою бесталанную
 Радости сладкой дано,
 Холодом сердце, как в бурю туманную,
 Ночью и днем стеснено.
 Ах, уж страдальца краса благосклонная
 Другом давно не звала
 И, поцалуюм живым раскаленная,
 Грудь его грудью не жгла.
 В свете как лишний, как чем опозоренный,
 Вечно один он грустит,
 Девы! ведь чувства во мне не затворены,
 Я не бездушный гранит.
 Дайте любви мне — радость безумная
 Вспыхнет, как пламя, в крови;
 Прочь, неотвязная грусть многотумная,
 Всё утоплю я в любви!
 Ты не раскаешься, дева прекрасная,
 Если полюбишь меня.
 Склонит цветочек погода ненастная,
 Нежная дева средь дня
 К солнцу небесному ручкою ловкою
 Тихо его повернет —
 Снова, на стебле качаясь головкою,
 Он ароматом цветет:
 Смят я несчастьями, горем измучен я;
 Дева, явися, спаси!
 С мыслью о смерти теперь неразлучен я,
 Жить и любить воскреси!..

ПОКОЙНИЦА

«Кто умер здесь? какой потери
 Печаль встревожила сердца?
 Откройте гробовые двери —
 Хочу взглянуть на мертвеца!

Хочу, на ледяные кости
Печать лобзанья наложу,
Найти там след суровой гостыи,
Где ныла пленница душа.
О Боже, о Творец великий!
Она!..» И помутился взор,
И горьких жалоб ропот дикий
Несвязный выразил укор.
Опомнился... взглянул: у гроба
Другой, безмолвствуя, рыдал;
Но лишь ему в лицо, как злоба,
Народ презрительно взирал
С уликой. «О, зачем, Спаситель,
В тоске рыдать об ней, как он,
Я права от тебя лишен,
И клевета, любви гонитель,
На самом гроба рубеже
Покоя не дает душе,
Простившейся с грехами тела,
И на нее через меня
Льет яд позорного огня?
Я ей чужой!..» С чела слетела
Искусно скрытая тоска,
Из роз могильного венка
Цветок он вырвал равнодушно,
Пошел — исчез в толпе бездушной...

Толпа его не поняла.
Весь день об нем, наморщив брови,
Судила, думала, врала,
И страшно молвить как, злослова,
Она покойницу звала...

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

I

Повитый ризою полночного тумана,
Под сладкий говор волн седого океана,
Как путник под напев лесного соловья,
Спит пышный град. Разврата не тая,
Он обнажил поруганное тело, —
Рука страстей над ним отяготела,
И ночи тьма не кроет от очей
Печальных признаков людского заблужденья:

Там сладострастные стоят изображенья,
Нагие прелести вакханок и цирцей.
Что чувствам льстит, а душу унижает,
Там видит взор, и ясно выражает
Картина от очей не скрытой наготы:
Присутствие греха, отсутствие святого,
Господство одного порочного и злого —
Разврата блеклые цветы...

Тихо кладбище,
Мертвых жилище,
Храм Божий тих.
Мук преступленья,
Жажды, презренья
Говор притих...
Казни позорной
Место вдали,
Заговор черный,
Страсти земли —
Ада создання,
Помыслы зла,
Злые желанья,
Злые дела,
Тихо, всё тихо,
Молчит.

II

Утопая в неге сладкой,
Беззаботно спит старик,
Дерзкий юноша украдкой
В терем девицы проник;
Жадный к деньгам видит злато,
И во сне его рука
Строит гордые палаты,
Исчисляет груз богатый
Кораблей издалека;
Враг людей, друг черной ночи,
Устремя кровавы очи
В даль, с кинжалом, на коне,
Ждет добычи терпеливо.
Все — кто въяве, кто во сне —
Полны суетностью лживой.
И надежды и мечты
Их по-прежнему ласкают,
Ничего не ждут, не знают
Дети зла и суеты.

В море неги сладострастной
Сердце их погребено;
А меж тем земля ужасный
Пир готовит им давно...

Так, в глуби ее таится
Пламя дивное, оно
Скоро вспыхнет, задымится,
Чудной силой зажжено,
Скоро будет пир кровавый
На земле и в облаках;
Пышный, гордый, величавый
Превратится город в прах.
Скоро... вестницею гнева
Всемогущего Творца,
Скрыла с неба радость-дева
Прелесть юного лица.
Темно, душно... Встаньте, люди,
Умолите Божий гнев,
Оторвите вы от груди
Юных жен и юных дев;
Позабудьте ложе ночи,
Вы, погрязнувшие в зле,
Возведите к небу очи,
Устремите слух к земле.
Страшно в небе, но страшнее
Под землей, там гром гремит,
Там, как в сердце Прометея,
Пламя бурное кипит.
Пробудитесь! но призванью
Вы не внемлете; пора!
Нет, отсрочки наказанью
Бог не даст вам до утра...

III

Чу! дрожит земли утроба,
Гул несется из травы;
Гром гремит, как в двери гроба
Череп мертвой головы.
Чу! трепещут кровли башен,
Завывает темный бор.
Разрушителен и страшен
Бурь подземных разговор...

IV

Вновь прогремели сердитые громы,
Эхо глухое далеко летит,
Плещется море, и рушатся дома,
Людям земля приговор говорит.
Слышишь ли, смертный, ты скрежеты ада,
Тяжкие вопли придавленных жертв,
Видишь ли тело погибшего брата? —
Он бездыханен, холоден, мертв.
Слышишь ли грозный ты звон колоколен?
Это не ты их заставил звенеть,
Слабый, унять их ты также не волен,
Покайся! близка твоя смерть...

V

Нет, ужасным сим явленьем
Человек не утрашен;
Лишь с корыстным сожаленьем
Гибель зданий видит он.
И, рискуя жизнью, страшный,
Будто житель гробовой,
В бой вступает рукопашный
С разъяренною землей:
В сокрушенные палаты
Он стремительно идет
И из них кумир свой, злато,
В поле темное несет...
И везде одна тревога,
Мелкой суетности шум,
И не внемлет гласу Бога
Человека гордый ум.

VI

Но грохоты громов подземных сильнее,
А черные тучи на небе мрачнее...
И вот на свободе, как вихорь степной,
Летает, кружится взорвавшийся камень,
Потоками брызжет дробящийся пламень
И в воздухе блещет кровавой зарей;
Оттуда — свершитель небесного мщенья —
На головы грешных он с шумом летит;
Разгульно пирует везде разрушенье,
Ничтожеству всё предаёт и мертвит...

VII

И ужас всех обнял. Всё люди забыли,
Дрожащие руки им страх оковал;
С землею прощались, горько вопили
И мнили: суд Бога последний настал.
И мнили: то было паденье вселенной,
И с трепетом ждали паденья ея,
А громы ревели во мгле потаенной,
Валилися зданья, стонала земля...
Отчаялись люди; настал час смириться!
В их души невольно закралась боязнь;
И поняли люди, что это творится
За их преступленья достойная казнь...

VIII

И вот перед небом Создателя, в страхе,
Упал непокорный народ, и во прахе
Смирилися гордые дети земли:
И те, что доселе, главою надменной
Безумно отвергнувши Бога вселенной,
На град наказание его навлекли;
И те, что в пороках одних утопали,
Забыв и молитвы, и совести глас,
Что буйно, безумно грехом торговали
И Бога-Творца забывали не раз, —
Пред ним все смирились и песнь о прощенье
Послали к всеильному Богу-Царю.
И вот, милосердый, Он в знак примиренья
Зажег на лазоревом своде зарю.
Заря загорелась, и тучи пропали,
Рассеялась мрачность и тьма в небесах,
Подземные громы греметь перестали;
От града остался лишь пепел да прах.
Но люди о нем не тужили, в священных
Словах благодарности, чистых, живых,
Молитва лилася из душ обновленных, —
Им не было жалко хором дорогих.
Оделся свод неба пурпуром денницы;
Народ всё молился и в страхе твердил:
«О Боже Премудрый! Ты благ без границы,
Ты милостью наши грехи победил!..»

ВОРОН

Баллада

Не шум домовых на полночном пиру,
Не рати воинственной топот —
То слышен глухой в непробудном бору
Голодного ворона ропот.
Пять дней как, у матери вырвав дитя,
Его оглодал он, терзая,
И с тех пор, то взором в дубраве следя,
То в дальние страны летая,
Напрасно он лакомой пищи искал
И в злобе бессильной судьбу проклинал.

Носился туда он, где люди без слез
Лежат после хладной кончины;
Там жертву оспорил вампир-кровосос
И не дал ему мертвечины.
Был там, где недавно пожар свирепел
Вражды, честолюбья и злости:
Там раньше другой подобрать всё успел,
Ему не досталось ни кости.
И вновь без добычи вернувшись в бор,
Кричит он и стонет, кругом вода взор.

Едва от усталости может сидеть,
К земле опустились крылья.
Чу, шелест, чу, топот!.. рванулся лететь,
Но слабые тщетны усилья.
Вот ратник лихой. Засверкали глаза,
И демонам шлет он молитвы:
«Убей его яростных громов гроза,
Иль враг наскочи и без битвы
Тайком умертви, чтоб, лишившийся сил,
И голод и жажду я им утолил».

Но тщетна нечистая просьба, промчал
Спокойно ездок мимо врана,
С коня соскочил он, его привязал
И к хижине, мраком тумана
От взоров сокрытой, направил свой путь,
Исполнен надежды отрадной,
А ворон всё каркал и до крови грудь
Себе проклевал беспощадно.
Но вот встрепенулся он радостно вдруг,
Спорхнул, над конем обогнул полукруг.

Как будто бы замысел злобный тая,
 Ему он закаркал приветно:
 «Смотри, как летаю торжественно я,
 Мне в мире ничто не заветно.
 Меня не тягчит беспокойный седок,
 Узда и удила мне чужды,
 Быть так же счастливым и ты бы, конь, мог,
 Не зная неволи и нужды.
 Ты так же б свободно весь мир облетал
 И бурным стремленьям преград не видал».

Тряхнул головой благородною конь,
 Понравились льстивые речи!
 Рванулся, но столб устоял; лишь огонь
 Копыта взметали далече.
 Вновь ворон закаркал: «Тебе ли нести
 Побои, позор и неволю,
 И ты ли не в силах во прах разнести
 Вождя хоть какого по полю.
 Как сядет твой ратник, взбесится, помчи;
 Срони его в бездну и сам ускачи!»

На волю порывом, как злой ураган
 Могучим, ответил конь бурный.
 И радуясь, вынул безжалостный вран
 Несчастливого жребий из урны.
 А в хижине радость. Там он и она,
 Играет он локоном девы,
 Она ему шепчет, прекрасна, нежна,
 Любви бесконечной напевы;
 Она ему в очи приветно глядит.
 Но жребий не даром блаженство дарит!

Они расстаются; уж близок рассвет.
 И горько она зарыдала.
 Он завтра приехать дает ей обет,
 Но дева как будто узнала
 Таинственный жребий, предчувствию полна,
 Она его крестит, лобзая.
 Он сел и поехал; уныло она,
 Очами его провожая,
 Стоит у порога. Вдруг конь на дыбы!
 Заржал... и свершилася воля судьбы...

Летит без наездника конь молодой.
 «О друг! что с тобою случилось?»

И быстро бежит она тайной тропой
 И мертвой на труп повалилась.
 На нем уже ворон голодный сидел
 И рвал его, в радости дикой;
 Сбылось, совершилось... ужасный удел
 Тебальда постиг с Вероникой!

.....

РЫЦАРЬ

Баллада

Не жалобной чайки могильные крики,
 Не сонного филина грустный напев,
 Не говор унылый с волной повилики,
 Не песни тоской сокрушаемых дев,
 Не звуки поэта задумчивой лиры
 В ночи прерывают природы покой —
 То воин могучий над гробом Заиры
 Рыдает, на меч опершись боевой.
 Глухие стенанья несутся далеко;
 Бесстрашного в брани смирила печаль —
 Отчаянья полн, он вздыхает глубоко,
 И брызжут горячие слезы на сталь.
 «Заира, Заира! твою ли могилу
 Я вижу? погибла надежда моя!
 Молчите, дубравы и ветер унылый,
 Затихни, полночная песнь соловья, —
 Быть может, услышу хоть голос знакомый,
 На миг хоть увижу любезной лицо.
 Напрасно! нет вести из вечного дома,
 Всё тихо! но ты, дорогое кольцо,
 Поможешь мне вызвать из гроба Заиру.
 Волнуйтесь, реки, дубравы, поля, —
 Не дайте услышать уснувшему миру,
 Как с грохотом треснет сырая земля.
 Кольцом не простым я владею, — вручая
 Его, мне сказала она: талисман
 В нем дивный таится, из горнего края
 Оно вызывает, врачую от ран.
 Свершайся ж, надежда! свидание с милой
 Уснувшую радость во мне пробуди,
 Прах, жизнью согретый, вставай из могилы,
 Заира к Роланду на грудь упади!..»

Не вихрь завывает, не море бушует,
 Не громы грохочут в седых облаках —
 Роланд, обнимая, Заиру целует,
 У рыцаря радость блистает в очах,
 Он счастлив... он шепчет: «Со мною, Заира,
 Пойдем, я покину и лавры и меч,
 Не буду грозой подлунного мира!»
 — Нет, милый, нет, в землю холодную лечь
 Пора мне, простимся! мой друг, не дается
 Нам прав уходить из подземных утроб,
 Денница прекрасная скоро зажжется,
 Прощай, до свиданья! ты в битву, я в гроб!.. —
 Исчезла... «Не можешь со мной ты остаться;
 Так я не могу ли с тобою?.. прости,
 Мой меч троюгранный, с которым тягаться
 Боялось полмира, мне в бой не идти!..»
 День на небе. С громом сигнала сзывного
 Помчались в битву бесстрашных полки,
 Но не было с ними Роланда младого.
 Где ж он? На кладбище, у быстрой реки
 Есть ветхая келья. Оттуда порою
 Выходит отшельник, угрюм, сановит;
 Он молится днем над могилой одною,
 А ночью всё с кем-то на ней говорит.

ВОДЯНОЙ

Баллада

«Меня из-под солнца сманил Водяной
 В подводные царства Дуная,
 Оковано сердце броней ледяной,
 И стала совсем я иная:
 Ни черные очи огнем не горят,
 Ни щеки румянцем не рдеют,
 Ни бури желаний души не томят,
 Ни страсти земные не греют;
 И вся, как Дуная седого волна,
 Теперь я бесстрастна, мертва, холодна.

Что мне, что могу я там вольною быть,
 Сквозь волны смотреть на природу
 Иль, ставши волной, прихотливо браздить
 Крылом задремавшую воду;
 Что отдал мне мой непостижный супруг
 Во власть всё подводное царство, —

Земное к земному влечет юный дух;
 Но тщетно, кляня за коварство,
 Прошусь я домой, он к родной стороне
 Дорогу забыть приказал давно мне...»

— О, где твоя родина, дева, открой! —
 Сидящей на бреге девице
 Сказал юный ратник, бесстрашный герой.
 Блестала слеза на реснице;
 Участья полный, он деву спасти
 Клялся и мечом и свободой.
 «Беги, витязь юный, скорее! прости,
 Иль сгинешь, постигнут невзгодой!
 Меня стережет мой супруг Водяной,
 Найдет он везде, мы пропали с тобой!»

Но он не внимает. — О радость души!
 В награду любви моей страстной
 Спасителем быть мне твоим прикажи!
 Твое опасенье напрасно.
 Куда пролегает таинственный путь,
 Скажи мне! — так он умоляет.
 Вдруг дева упала к счастливцу на грудь
 И юношу страстно лобзает:
 Земная природа проснулася в ней,
 На волю из груди бьет пламень страстей.

В восторге души, он недвижим и нем,
 Она вся любовь, восхищенье,
 Забыли земное; готово меж тем
 Ужасной грозы приближенье.
 Бегут, но уж поздно. Раздался в тот миг
 Прерывистый хохот; о горе!
 Всё шире и шире Дунай — и настиг,
 Разлившись как бурное море.
 И где за миг с другом стояла она,
 Там бьется, бушует и скачет волна.

ПИР ВЕДЬМЫ

I

Темно в хате, душно в хате;
 Пляшут ложки на столе.
 Скачет ведьма на ухвате,
 Едет черт на помеле.

Светло в хате, чисто в хате;
 Вышла баба из трубы,
 Набрала воды в ушате,
 Загадала на бобы.

«Приходите, черти, змеи!
 Пир дадим, сестра-душа!»
 И сняла колдунья с шеи
 Двухаршинного ужа...

II

Ветер свищет, ветер вьется,
 Воеет бор, ревет ручей;
 Вдаль по воздуху несется
 Стая леших и чертей.

Поле стонет, поле плачет,
 Завывает, словно волк;
 По земле ползет и скачет
 Змей гремучих целый полк.

Вползли змеи в двери хаты,
 Черти с шумом из трубы,
 Безобразны и рогаты,
 Повалились, как грибы.

III

Обниманья, сплетни, говор,
 Всякий хочет угодить;
 Черный уж, колдуньяин повар,
 Стал меж тем уху варить.

И покуда мыл он плошки,
 Все, без скрыпки, без смычка,
 Под напев голодной кошки
 Принялись за трепачка...

.....

IV

Славно пляшет на три сорта
 Сатанинская семья!

И колдунья, сватья черта,
От восторга не своя.

Что за праздник! песни, хохот,
Крик, бляенье, волчий вой,
Львиный рев и конский топот,
Зев и говор громовой.

Любо это ей до смерти!
Вдруг запели петухи,
И пропали гости-черти,
Не дождавшись ухи.

НЕПОНЯТНАЯ ПЕСНЯ

...Забываю песни муз,
Мне моря сладкий шум милее.

Пушкин

Клокочет, бушует, волнуется море
Сердито и грозно; седые валы,
Как вихри, летают на буйном просторе
И селятся сдвинуть крутые скалы.
Смотрите, смотрите — как грудью могучей
Они, разъяренные, бьют в берега!
Но вот на средину отхлынули тучей,
Как будто заслыша призыванье врага.
Как будто меж ними затеялась ссора —
Ревут ураганом, громами гремят,
Понять невозможно их чудного хора,
Но, кажется, что-то они говорят.
Кто ж знает? быть может, в тревожном волненье
Безбрежной пучины бушующих вод
Есть тайные речи и смысл и значенье.
Но кто их постигнет, но кто их поймет?..
Нас волны пленяют гармониейстройной;
Но, может, таится неведомо в ней
Звук чувства, и мысли, и дружбы спокойной,
И бурных желаний, и диких страстей.
Нет, нет, не без смысла их говор безвестный!
Прислушайтесь к звукам таинственных слов:
В них что-то поэзией веет небесной,
Как в песнях творцом вдохновенных певцов;
Как будто бы слышны то вопли разлуки,
То буйная радость, то к небу мольбы...
Но кто же постигнет волшебные звуки,
Кому же откроется тайна судьбы?..

О если бы можно понять, хоть случайно,
То что говорят меж собою оне!
О если б ты, море, заветною тайной
Со мной поделилось, поведало мне:
Об чем беспрестанно, шумя и бушуя,
Ты, море, так сладко душе говоришь,
Об чем, то рыдая, то буйно ликуя,
Порою хохочешь, порою грустишь!

Открой мне, кипучее, бурное море,
Тайник заповеданный, дай мне понять,
Что дивное скрыто в твоём разговоре,
Что бурные волны твои говорят!
Их говор безвестный несется далече
И чем-то высоким пленяет меня;
Но если б я понял чудесные речи,
Душа б утонула в восторге моя...

НЕЗАБВЕННЫЙ ВЕЧЕР

Как быстро, быстро промелькнул
Восторг любви первоначальной!
Я помню: ветер тихо дул,
Приветно пел ручей хрустальный,
Дышали негою поля,
Как колыбель была земля,
Луна, как девственная жрица,
Раскинув пышные лучи,
В великолепной багрянице
Из огнерадужной парчи,
Казалась видимой короной
Главы незримого Творца;
Звезд и созвездий легионы,
Как отблеск Божьего лица,
Сияли в выпрленном эфире,
Веселым пламенем горя,
Как бы любясь миром в мире,
Привет небес ему даря.
Он им амброзией растений
Курил чистейший фимиам,
И ароматный дым курений
Противен не был небесам.
Роскошно, пышно, чудотворно
Живописалась близь и даль:
Там всё в огне, а здесь всё черно,
Внизу цветы, вверх эмаль.

Я пил, в блаженстве замирая,
Восторга чистого струю,
Казалось мне, я был в раю;
Но средь чарующего рая
Чего-то взором я искал,
Чего-то мне недоставало...
Вдруг мягкий дерн затрепетал,
Вдали мелькнуло покрывало.
Она! дополнился восторг!
Он в сердце влил напиток райский,
Он взор и душу мне зажег...
В благоуханной сфере майской
Картина полночи немой
С ее немymi красотами,
И дева — ангел неземной
С живыми черными очами,
Вся из улыбки и огня,
С обетом счастья во взоре —
Всё это лило на меня
Блаженства истинного море.
Душа, казалось, то нашла,
Что ей вдали светлело метой,
Жизнь без чего для ней была
Прекрасной песнью недопетой.
Я понял, радостью горя,
Не отягчен мирской заботой,
Как гармонирует с природой
Любви восходная заря.

Промчались дни. Бывали ночи
Той и прекрасней и ясней,
В них мне не раз являлись очи,
Роскошный шелк витых кудрей,
Изящны формы плеч и стана,
Меня пронзал лобзанья жар,
Каким родит жерло волкана
Вокруг и пламень и пожар, —
Но нет того очарованья!
Душе остывнувшей моей
Всё слаще первое лобзанье,
Тот первый вечер всё милей.
И все вы, новые порывы
Любить, ласкать, лобзать и жечь,
Как вы ни бурны, как ни живы,
Меня не можете увлечь
В стихию прежнего блаженства.

И если временем мне в грудь
Прекрасной девы совершенства,
Как лаву, жар палящий льют
И, будто гнев в душе капризной,
Опять пылает страсть в крови:
То не любовь, то только тризна
По первой радостной любви...

МОГИЛА БРАТА

Я был на могиле, похитившей брата,
И горькие слезы кропили ее,
В душе пролилася святая отрада,
От горя проснулося сердце мое.

Проснулись чувства и думы толпою,
И память о прежнем в душе ожила,
И резво, роскошно опять предо мною
Былого картина как май расцвела.

Как будто бы горе мое миновало,
Как будто б я с братом, и брат мой со мной,
Как будто б на сердце тоски не бывало;
Но я был обманут коварной мечтой, —

Не брат предо мною — могила сырая,
Сокрывшая тленный остаток того,
С кем весело мчалася жизнь молодая,
Кто был мне на свете дороже всего.

О слезы, о слезы! несчастных отрада!
Через хладную землю катитесь к нему,
На грудь упадите бесценного брата
И горе мое передайте ему!

Скажите, скажите, горячие слезы,
Что я одиноко веду мою жизнь,
Завяли в душе моей счастья розы,
И тернии горя лишь в ней разрослись.

Но что я, безумец? поймет ли бездушный
Остаток истлевший печали мои?
Душа его в небе, а гроб равнодушный
Лишь тело да кости взял в недра свои.

О небо, о вы, безграничные выси!
Я отдал бы счастье, оставил бы мир,
Чтоб в ваши пределы душой вознестися,
Орлом легкокрылым вспорхнуть на эфир.

Я там бы увидел бесценного брата
 И с ним поделился бы грустью моей;
 И это б мне было святая награда
 За дни, проведенные в муках скорбей.

Увидел бы брата — и с ним не расстался;
 Но небо высоко, а на небе он.
 Лишь труп охладелый на память остался
 И в душевной могиле давно погребен.

Касатка порхает над братней могилой,
 Душистая травка роскошно цветет,
 И плющ зеленеет, и ветер унылый
 Над ней заунывную песню поет.

Храм Бога высокий, часовня, ограда,
 Кресты да курганы — кругом тишина.
 Покойся же мирно, прах милого брата,
 Пока не восстанешь от долгого сна.

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ

Сонет

Вчера я бесстрашно сидел под грозою
 И с мужеством буйным смотрел в небеса,
 Не робостью кроткой — надменной мечтою,
 Суровой отвагой горели глаза.

Я песнями вторил громам; надо мною
 Губительных молний вилась полоса,
 Но страх потерял все права над душою,
 Меня не пугала вселенной гроза.

Зачем же сегодня я бури боюсь,
 Под покров одинокий бегу, тороплюсь?..
 Ах, жизни вчера не жалел я, как сна,

Отверженный *ею*, царицею сердца, —
 Сегодня же в *ней* я нашел одноверца,
 «Люблю!» — мне сказала робея *она*...

НОЧЬ

I

Я не сплю, не сплю — не спится,
 Сердце грустию томится,

Сердце плачет в тишине,
Сердце рвется к вышине,
К безмятежному эфиру,
Где, одетая в порфиру,
Блещет яркая звезда.
Ах, туда, туда, туда —
К этой звездочке унылой
Чародейственной силой
Занеси меня, мечта!

II

Полночь; тихо. Ангел мира
Воцарился над землей;
Вот редет мрак эфира,
Вот раскрылся предо мной;
Вот встают из мрака тени
Очарованных видений
И вокруг звездочки золотой
Вьются светлую толпой.
То спускаются, то снова
Исчезают в вышине,
То кружатся над дубровкой,
То взвиваются к луне;
То, сплетаясь руками дружно,
Вереницею жемчужной
Над водами пролетят
И крылами прошумят.
О, спуститесь на минуту
К безмятежному приюту,
Где один с своей мечтой
Я грущу во тьме ночной,
И из сферы жизни душевной
Унесите в мир воздушный,
В мир фантазии святой!

III

Зашумела страшно буря,
Ветер буйный засвистел,
Свод небесный потемнел,
Мрачно голову нахмурия,
Дуб кудрявый затрещал,
Пошатнулся — и упал.

Страшно в поле в непогоду —
 Брызжет белая волна,
 Из берегов фонтаном воду
 Бьет, кипучая, она;
 Ветер воет, ветер свишет,
 Ветер вольный всюду рыщет;
 То по полю пролетит,
 То над бездной прокричит,
 То взовьется, закружится,
 В поднебесную умчится.
 Он свободен! Вот звезда
 Вновь блеснула из-за тучи —
 Ветер вольный, ветр летучий,
 Унеси меня туда!..

ДНИ БЛАГОСЛОВЕННЫЕ

Дни благословенные, дни многоотрадные
 Промелькнувшей радости,
 Снова уловляю я памятью жадною
 Нектар вашей сладости.
 Вижу ночь весеннюю, пламень, проливаемый
 Бледною Дианою,
 Вновь иду под яворы, ласково встречаемый
 Юною Светланою.
 Вижу вновь красавицу совершенства чудного,
 Счастьем упоенную,
 Словно изумрудами, неба изумрудного
 Блеском озаренную.
 Слышу величавую музыку певучую
 Слова сладкогласного,
 Упиваюсь весело сладостию жгучею
 Поцалуя страстного.
 Мигом излечаются раны сердца вялого,
 Нет тоски и холода,
 И опять на миг оно памятью бывалого
 Весело и молодо...

ЗАГАДКА

Сонет

Непостижную святынею
 Перед нами, без речей,
 Небо круглою равниною
 Блещет в ризе из лучей.

Что же там за далью синею,
Далью, видной для очей,
Где слито оно с пустынею
Днем и в сумраке ночей?

Не понять нам. Чудной тайностью
То для глаз облечено;
И постигнутые крайностью,

Видим только мы одно,
Что мир создан не случайностью,
Есть начальное зерно...

ОБЕТ

О, покинь меня! напрасно
О любви мне не тверди
И так пламенно, так страстно
На страдальца не гляди!
Я боюсь палящих взоров
Огнедышащих очей,
Я боюсь, как злых укоров,
Милых ласковых речей.
Отойди! я им не верю,
Я давно от них отвык;
Одичалому как зверю,
Чужд любви твоей язык.
Как дитя я суеверен;
Мне странна твоя печаль,
В этом мире — я уверен —
Никому меня не жаль.
В жизни странник, в год несчастья
Я узнал земных друзей
И чуждаться их участия
Дал обет в душе моей.
Ты пока еще не знаешь
Горькой муки бытия;
Погорюешь, страдаешь,
Так увидишь, прав ли я.

КРАСАВИЦЕ

Красавица! не пой веселых песен мне!
Они пленительны в устах прекрасной девы,
Но больше я люблю печальные напевы:
Они манят к той дивной стороне,

Где жизнь сладка, от звуков тает камень,
Где всё восторг, поэзия и пламень,
Где без пределов радость есть,
Куда и мыслью дерзновенной
Не проникает ум надменный;
Откуда лишь мечта в наш мир заносит весть,
Когда на крыльях своевольных
Туда взлетит с границ юдольных
И там, прикована чудесным волшебством,
Вся очарована, украдкой
Заучивает гимн пленительный и сладкий,
Не смея зашуметь крылом...
Мне мил и потому печальный тон напева,
Что в первый жизни год родимая, с тоской,
Смиряла им порыв ребяческого гнева,
Качая колыбель заботливой рукой;
Что в годы бурь и бед заветною молитвой
На том же языке молилась за меня;
Что, побежден житейской битвой,
Во власть ей отдался я, плача и стена;
Что первых слез горячей влаги
Восторга песнь не залила,
А та — надежды и отваги
С собой мне много принесла.
И тем, что горних стран таинственная дева,
Младая муза, в первый раз,
Слетя ко мне под сень развесистого древа,
Мне в нем поведала чудесный свой рассказ;
Что мне понятен стал и дивный говор бури,
И с листом шепчущийся лист,
И шум морских валов, и ветра буйный свист,
И разговор с землей лазури —
Когда впервые я песнь грусти услышал;
Я с ними встретил в ней неожиданные созвучья.
В душе убитой им отзвучья
Я много, много отыскал!
На что ж мне песнь веселья и забавы,
Когда настроена она
На звуки томные, на грустные октавы
И только ими лишь полна?
Когда на ложе грусти вечной
Спокойно задремал мой дух?
Забудь, прекрасная, песнь радости беспечной:
Его разбудишь ты для муки бесконечной,
Когда она встревожит слух.

КУЗНЕЦ

(Памяти Н. А. Милютина)

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.
В чем погрешу и чего не доделаю,
Думал, — исправят потом.
Грубо ковал ты, но руку умелую
Видно доныне во всем.
С кем ты делился душевною повестью,
Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин!

БУНТ

(Живая картина)

...Скачу, как вихорь, из Рязани,
Являюсь: бунт во всей красе,
Не пожалел я крупной брани —
И пали на колени все!

Задавши страху дерзновенным,
Пошел я храбро по рядам
И в кровь коленапреклоненным
Коленом тыкал по зубам...

1867—1873

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом — но тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава Богу.
Пусто в деревне, ему ничего,
Знает, где люди: и куплю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе всё, что полюбится, — на!
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит — кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два кома!
Девкам утехи —
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окупи, шуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любви,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..»

— Стой, старина! — Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.

Все наменяли сластей, накопили —
 То-то была суета, кутерьма!
 Смех на какого-то Кузю печального:
 Держит коня перед носом сусального;
 Конь — загляденье, и лаком кусок...
 Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
 Жалко девочку сиротку Феклушу:
 Все-то жуют, а ты слюнки глотай...

«По грушу! по грушу!
 Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
 Про баб товару всякого.
 Ситцу хорошего —
 Нарядно, дешево!
 Эй! молодежи!
 Красны девицы,
 Тетушки, сестры!
 Платочки пестры,
 Булавки востры,
 Иглы не ломки,
 Шнурки, тесемки!
 Духи, помада,
 Всё — чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
 Лен, и полотна, и пряжу несут.
 «Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
 Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
 Зорек торгаш, а то просто беда бы!
 Затормошили старинушку бабы,
 Клянчат, ласкаются, только держись:
 — Цвет ты наш маков,
 Дядюшка Яков,
 Не дорожись! —
 «Меньше нельзя, разрази мою душу!
 Хочешь бери, а не хочешь — прощай!»

«По грушу! по грушу!
 Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
 Хватит про всякого.
 Новы коврижки —
 Гляди-ко: книжки!
 Мальчик-сударик,
 Купи букварик!»

Отцы почтенны!
 Книжки не ценны;
 По гривне штука —
 Деткам наука!
 Для ребятишек —
 Тимошек, Гришек,
 Гаврюшек, Ванек...
 Букварь не пряник,
 А почитай-ка,
 Язык прикусишь...
 Букварь не сайка,
 А как раскусишь,
 Слаще ореха!
 Пяток — полтина,
 Глянь — и картина!
 Ей-ей утеха!
 Умен с ним будешь,
 Денег добудешь...
 По буквари!
 По буквари!
 Хватай — бери!
 Читай — смотри!»

И букварей-таки много купили:
 — Будет вам пряников; нате-ка вам! —
 Пряники, правда, послаще бы были,
 Да рассудилось уж так старикам.
 Книжки с картинками, писаны четко —
 То-то дойти бы, что писано тут!
 Молча крепилась Феклуша-сиротка,
 Глядя, как пряники дети жуют,
 А как увидела в книжках картинки,
 Так на глаза навернулись слезинки.
 Сжалился, дал ей букварь старина:
 «Коли бедна ты, так будь ты умна!»
 Экой старик! видно добрую душу!
 Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
 Купи, сменяй!»

II

ПЧЕЛЫ

На-тко медку! с караваем покушай,
 Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
 Думали, просто идет наводнение,
 Только и сухо, что наше селение
 По огороды, где ульи у нас.
 Пчелка осталась водой окруженная,
 Видит и лес, и луга вдалеке,
 Ну — и летит, — ничего налегке,
 А как назад полетит нагруженная,
 Сил не хватает у милой. Беда!
 Пчелами вся запестрела вода,
 Тонут работницы, тонут сердечные!
 Горю помочь мы не чаяли, грешные,
 Не догадаться самим бы вовек!
 Да нанесло человека хорошего,
 Под Благовещенье помнишь прохожего?
 Он надоумил, Христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили;
 Я при прохожем тужил-тосковал;
 «Вы бы им до суши вехи поставили»,
 Это он слово сказал!

Веришь: чуть первую веху зеленую
 На воду вывезли, стали втыкать,
 Поняли пчелки сноровку мудреную:
 Так и валят и валят отдыхать!
 Как богомолки у церкви на лавочке,
 Сели — сидят.

На бугре-то ни травочки,
 Ну а в лесу и в полях благодать:
 Пчелкам не страшно туда залетать,
 Всё от единого слова хорошего!
 Кушай на здравие, будем с медком.
 Благослови Бог прохожего!

Кончил мужик, осенился крестом;
 Мед с караваем парнишка докушал,
 Тятину притчу тем часом прослушал,
 И за прохожего низкий поклон
 Господу Богу отвесил и он.

III

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
 И морозец знатный.

По дороге столбовой
Едет парень молодой,
Ямщикок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщикок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
— Что ты? с мишкой? — «Ничего!»
Он у нас смиренный,

Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
— Ну, садитесь! — Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам — и потрусил
Полегоньку Федя...
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен, —
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями...

Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело. Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в саях
Михайло Иваныч,
Кони дернули; стряслась
Тут беда большая —
Рывкнул мишка! — понеслась
Тройка как шальная!

Колокольчик услышал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно — не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка — и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;
Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А коням подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать на весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции летит
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая:
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо
Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит — барин материк,
«Генерал», — смекает.
Поспешил фуражку снять:
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту

Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Иисусе!
Небывалый генерал,
Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят — дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге:
«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трус бежит, а кто смелей,
Те — потехе ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит...
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой...

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной...
А смотритель обругал
Ямщика скотиной...

<IV>

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

I

В августе, около Малых Вежей,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу про Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Истари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!

За сорок верст в Кострому напрямиком
Сбегать лесами ему нипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — А леший? — «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, — никого не видал!

За день грибов собираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую угод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью... ну, ночью робел я и сам:
Очень ж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,
Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит...»
Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,
Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.
Впрочем, в отчаянье он не приходит;
Выпалят дедушка — заяц уходит,
Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.
Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:
Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,
Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грянет!
Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.
«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— Больно, родимый, я зябок руками;
Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,
Над уголочками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею! —
«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.
Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)
Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

II

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,

Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.

Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, — ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой:
«То-то! — сказал я, — не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десятков спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...

Было потехи у баб, ребяташек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.

Тут мои зайчики точно сбесились:
 Смотрят, на задние лапы встают,
 Лодку качают, грести не дают:
 Берег завидели плуты косые,
 Озимь, и рощу, и кусты густые!..
 К берегу плотно бревно я пригнал,
 Лодку причалил — и «с Богом!» сказал...

И во весь дух
 Пошли зайчишки.
 А я им: «У-х!
 Живей, зверишки!
 Смотри, косой,
 Теперь спасайся,
 А чур зимой
 Не попадайся!
 Прицелюсь — бух!
 И ляжешь... У-у-у-х!..»

Мигом команда моя разбежалась,
 Только на лодке две пары осталось —
 Сильно измокли, ослабли; в мешок
 Я их поклат — и домой приволок.
 За ночь больные мои отогрелись,
 Высохли, выпались, плотно наелись;
 Вынес я их на лужок; из мешка
 Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
 Я проводил их всё тем же советом:
 «Не попадайтесь зимой!»
 Я их не бью ни весною, ни летом,
 Шкура плохая, — линяет косой!..»

<V>

СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
 Крестьянка старшим говорила:
 «Играйте, детушки, пока!
 Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
 Коня навяжем травку кушать,
 И вас в ту рожицу свожу —
 Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей, —
 Да не мешай же мне, проказник! —
 У нас нет места веселей;
 Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаше хоровода!

И хорошо и любо всем...
Да только (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене, — тут много их ловили,
Ну, испугалися сетей
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит — гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил,
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же Бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще нашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет...
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит...

Запомнить надобно и вам,
Избави Бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети...»

Середний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

— А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете? —
«Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки!»

<VI>

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

I

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шел.

Ни озера, дети,
Забуть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда...

II

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В Страстную субботу,
Пред самой Святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз?

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь и ругаться,
Да день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сертучишке,
Фуражка как блин, —
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас?
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пыльщики: сайку
Угрюмо жуют
И словно солдаты
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плечах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути,
В родные деревни
Скорее прийти,
Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить Святую
С веселой душой...

III

Стемнело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал всё тем же
Высоким холмом;
Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу — долина
Моя ожила:
На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу
Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.
Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!
У озера ярко
Горели костры, —
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,
При свете горящей
Соломы, — толпы...
У Божьего храма
Сходились тропы, —
Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

ПОЭМЫ

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В одном из переулков дальних
Среди друзей своих печальных
Поэт в подвале умирал
И перед смертью им сказал:

«Как я, назад тому семь лет
Другой бедняк покинул свет,
Таким же сокрушен недугом.
Я был его ближайшим другом
И братом по судьбе. Мы шли
Одной тернистою дорогой
И пересилить не могли
Судьбы, равно к обоим строгой.
Он честно истине служил,
Он духом был смелей и чище,
Зато и раньше проложил
Себе дорогу на кладбище...
А ныне очередь моя...
Его я пережил не много;
Я сделал мало, волей Бога
Погибла даром жизнь моя.
Мои страдания были люты,
Но многих был я сам виной;
Теперь, в последние минуты,
Хочу я долг исполнить мой,
Хочу сказать о бедном друге
Всё, что я видел, что я знал
И что в мучительном недуге
Он честным людям завещал...

Родился он почти плебеем
(Что мы бесславьем разумеем,
Что он иначе понимал).
Его отец был лекарь жалкой,
Он только пить любил да палкой
К ученью сына поощрял.

Процесс развития — в России
Не чуждый многим — проходя,
Книжонки дельные, пустые
Читало с жадностью дитя,
Притом, как водится, украдкой...
Тоска мечтательности сладкой
Им овладела с малых лет...
Какой прозаик или поэт
Помог душе его развиться,
К добру и славе прилепиться —
Не знаю я. Но в нем кипел
Родник богатых сил природных —
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел!..

С кончиной лекаря, на свете
Остался он убог и мал;
Попал в Москву, учиться стал
В Московском университете;
Но выгнан был, не доказав
Каких-то о рожденье прав,
Не удостоенный патентом, —
И оставался целый век
Недоучившимся студентом.
(Один ученый человек
Колол его неоднократно
Таким прозвищем печатно,
Но, впрочем, Бог ему судья!..)
Бедняк, терпя нужду и горе,
В подвале жил — и начал вскоре
Писать в журналах. Помню я:
Писал он много... Мыслью новой.
Стремленьем к истине суровой
Горячий труд его дышал, —
Его заметили... В ту пору
Пришла охота прожектору,
Который барышей желал,
Обширный основать журнал...
Вникая в дело неглубоко,
Искал он одного, чтоб тот,
Кто место главное займет,
Писал разборчиво — и срока
В доставке своего труда
Не нарушал бы никогда.
Белинский как-то с ним списался
И жить на Север перебрался...

Тогда всё глухо и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин; без него
Любовь к ней в публике остыла...
В боренье пошлых мелочей
Она погрязнув поглупела...
До общества, до жизни ей
Как будто не было и дела.
В то время как в родном краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь «баюшки-баю»
Литература распевала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла к цели;
Лишь два задорных поляка
На первом плане в ней шумели.
Уж новый гений подымал
Тогда главу свою меж нами,
Но он один изнемогал,
Тесним бесстыдными врагами;
К нему под знамя приносил
Запас идей, надежд и сил
Кружок еще несмелый, тесный...
Потребность сильная была
В могучем слове правды честной,
В открытом обличенье зла...

И он пришел, плебей безвестный!..
Не пощадил он ни льстецов,
Ни подлецов, ни идиотов,
Ни в маске жарких патриотов
Благонамеренных воров!
Он все предания проверил,
Без ложного стыда измерил
Всю бездну дикости и зла,
Куда, заснув под говор лести,
В забвенье истины и чести,
Отчизна бедная зашла!
Он расточал ей укоризны
За рабство — вековой недуг, —
И прокричал врагом отчизны
Его — отчизны ложный друг.
Над ним уж тучи собирались,
Враги шумели, ополчались.
Но дикий вопль клеветника
Не помешал ему пока...

В нем силы пуще разгорались,
И между тем как перед ним
Его соратники редели,
Смиряться, пятились, немели,
Он шел один неколебим!..

О! сколько есть душой свободных
Сынов у родины моей,
Великодушных, благородных
И неподкупно верных ей,
Кто в человеке брата видит,
Кто зло клеймит и ненавидит,
Чей светел ум и ясен взгляд,
Кому рассудок не теснят
Преданья ржавые оковы, —
Не все ль они признать готовы
Его учителем своим?..

Судьбой и случаем храним,
Трудился долго он — и много
(Конечно, не без воли Бога)
Сказать полезного успел
И может быть бы уцелел...
Но поднялась тогда тревога
В Париже буйном — и у нас
По-своему отозвалась...
Скрутили бедную цензуру —
Послушав наконец клевет,
И разбирать литературу
Созвали целый комитет.
По счастью, в нем сидели люди
Честней, чем был из них один,
Фанатик ярый Бутурлин,
Который, не жалея груди,
Беснуясь, повторял одно:
«Закройте университеты,
И будет зло пресечено!..»
(О муж бессмертный! не воспеты
Еще никем твои слова,
Но твердо помнит их молва!
Пусть червь тебя могильный гложет,
Но сей совет тебе поможет
В потомство перейти верней,
Чем том истории твоей...)

Почти полгода нас судили,
Читали, справки наводили —

И не остался прав никто...
Как быть! спасибо и за то,
Что не был суд бесчеловечен...
Настала грустная пора,
И честный сеятель добра
Как враг отчизны был отмечен;
За ним следили, и тюрьму
Враги пророчили ему...
Но тут услужливо могила
Ему объятья растворила:
Замучен жизнью трудовой
И постоянной нищетой,
Он умер... Помянуть печатно
Его не смели... Так о нем
Слабеет память с каждым днем
И скоро сгибнет невозвратно!..»

Поэт умолк. А через день
Скончался он. Друзья сложились
И над усопшим согласились
Поставить памятник, но лень
Исполнить помешала вскоре
Благое дело, а потом
Могила заросла кругом:
Не сыщешь... Не велико горе!
Живой печется о живом,
А мертвый спи глубоким сном...

1855

САША

1

Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоет —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Невесела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?..
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
Дам же я волю блатому порыву

И на родимую землю мою
Все накипевшие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром ни сгнуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую Музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенья страданий моих!

Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну:

Только что ей я объятия раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковой машет вершинами лес,
Солнце приветливой смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенев сокрушительной думой,

Некогда стих мне суровый внушил...
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду,
Благо не поздно, теперь же к соседу

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди — соседи мои,

Славные люди! Радушье их честно,
Лесть им противна, а спесь неизвестна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,

Да и старушка не многим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже

Сашу, их дочь... Недалеко их дом.
Всё ли застану по-прежнему в нем?

2

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.

Всем окружив ее тихое детство,
Что позволяли убогие средства,
Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.
Книги ребенку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука;
Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,
Рдеет румянец и ярче и краше...
Мило и молодо дитячко ваше, —
Бегает живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный смеющийся глаз,
Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы!
Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...
Выспится Саша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана
И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей.
Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;
Да и чего побоится она?..
Всё так спокойно; кругом тишина,
Сосны вершинами машут приветно, —
Кажется, шепчут, струясь незаметно,
Волны под сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей
В наши объятия: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».
Полеми идешь — всё цветы да цветы,
В небо глядишь — с голубой высоты
Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;
Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!

Бедная! как она вырваться хочет!
Брызжется пеной, бурлит и клокочет,
Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей, —
Думает Саша, — безумно роптанье...»
Жизни кругом разлитой ликование
Саше порукой, что милостив Бог...
Саша не знает сомненья тревог.
Вот по распаханной, черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне —
Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой:
Знает она, что недаром с любовью
Землю полиют они потом и кровью...
Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;
Дорого-любо, кормилица-нива!
Видеть, как ты колосишься красиво,
Как ты, янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!
Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;
Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: «Поскорей! поскорей!»
Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно, весь день тому весело будет!
Саша проснется — бежит на гумно.
Солнышка нет — ни светло, ни темно,
Только что шумное стадо прогнали.
Как на подмерзлой грязи натоптали
Лошади, овцы!.. Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,
За нагруженной снопами телегой
Чинно идет жеребеночек пегой,
Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.

А на гумне только руки мелькают
Да высоко молотила взлетают,
Не успевает улечься их тень.
Солнце взошло — начинается день...

Саша собирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,
Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Нравилось ей

В пестром смешении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саши всё нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,
Сашенька! Саша!..» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздался «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

Черная быстро мелькнула головка...
«Вить ты, куда забежала, плутовка!

Э!.. да никак колосистую рожь
Переросла наша дочка!» — Так что ж? —
«Что? ничего! понимай, как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:

Спелому колосу — серп удалой,
Девиче взрослой — жених молодой!»

— Вот еще выдумал, старый проказник! —
«Думай не думай, а будет нам праздник!»

Так рассуждая, идут старики
Саше навстречу; в кустах у реки

Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «Попалась, плутовка!» —

Сашу поймают, и весело им
Свидеться с дитятком бойким своим...

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,
Весело мчится. На полном бегу
Набок салазки — и Саша в снегу!
Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеется, голубка!
Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой...
Саше случалось знать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,
Ей и теперь его жалко до слез.
Сколько тут было кудрявых берез!
Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядели,
Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,
Понизу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —
Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал — и вон побежал,
В темную нору забила лисица,
Машет крылом осторожнее птица,
В недоуменье тащат муравьи
Что ни попало в жилища свои.
С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,
С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,
Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали
И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.
Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.
Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лилися прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна, —

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном

Раненый стонет, зовет, прокликает.
Ветер над полем кровавым летает —

Праздно лежащим оружием звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;

Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,

Прыгали, злились. Наскучил их крик —
И придавил их ногою мужик.

Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц — пришла. Перед ней
Взрытые глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами,

Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочие дни.

Верхние ветви так плотно сплелися,
Словно там гнезда жар-птиц завелися,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы посядут на пни,
Чудные песни споют ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
В красках вечерних заря догорала —

Через соседний несрубленный лес
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через пни полосой янтарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петь будут птицы?

В комнате словно тесней и душней.
Саше не спится, — но весело ей.

Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят не стыдливо,

Утренний сон ее крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых!

Полны вы чары и неги беспечной,
Нет еще муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

Будто жалея... И день еще ясен...
Он и в грозе будет чудно прекрасен,

Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детски живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть?..

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой! свободой могучи:
С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке степной?..

3

Третьего года, наш край покидая,
Старых соседей моих обнимая,
Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,
Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!
В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:
«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;
В третьем году наконец прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,
Именем: Лев Алексеич Агарин,
Ласков с прислугой, как будто не барин,
Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.
Звал он себя перелетною птицей:
«Был, — говорит, — я теперь за границей,
Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов —
Всё там приволье, и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.
На пароходе в Кронштадт я пришел,
И надо мной всё кружился орел,
Словно пророчил великую долю». —
Мы со старухой дивилися вволю,
Саша смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам,
Начал гулять, разговаривать с Сашей
Да над природой подтрунивать нашей —

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,
Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,
И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.

Словно брала их чужая кручина,
Всё рассуждали: какая причина,

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

«Но, — говорит, — не слабейте душою:
Солнышко правды взойдет над землею!»

И в подтвержденье надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.

Саша туда же — отстать-то не хочет —
Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди — пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

«Бил, — говорит, — я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело... пора!»
Перекрестился — и съехал с двора...

В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

Годы ей, что ли, такие пришли?
Только узнать мы ее не могли:

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! — да не тешат салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, украдкою плачет.
Видели: письма всё пишет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!

Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем — и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла;

Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно;

Вышла навстречу — и ахнул сосед!
Словно оробел. Мудреного нет:

В два-то последние года на диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал...

Всё, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала;

Только не впрок угожденье пошло!
Он ей перечил, как будто назло:

«Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое,

Род человеческий низок и зол».
Да и пошел! и пошел! и пошел!..

Что говорил — мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

Вот уж сегодня семнадцатый день
Саша тоскует и бродит как тень!

Книжки свои то читает, то бросит,
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам шутя:
«Тешится новой игрушкой дитя!»

Саша ушла — не ответила слова...
Он было к ней; говорит: «Нездорова».

Книжек прислал — не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится Богу...
Он говорит: «Я собрался в дорогу», —

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж?.. он письмо ей прислал. Между нами:
Грешные люди, с испугу мы сами

Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нем.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и нравом-то тих.

«Нет, не пойду». А сама неспокойна;
То говорит: «Я его недостойна» —

То: «Он меня недостойн: он стал
Зол и печален и духом упал!»

А как уехал, так пуше тоскует,
Письма его потихоньку цалует!..

Что тут такое? Родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек

Или какой чернокнижник-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?..»

4

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:

Саша поправится — Бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он... не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искуситель людской,
Это, увы! — современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе исполинского ищет,

Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо идти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.

«Нет, я души не растрочу моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!
Мир, — говорит, — осчастливить хочу!»

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Всё недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять нелегко!

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы —

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Всё, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,

Только дающая силу и власть
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильнее ненавидит,
А доведись — комара не обидит!

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь!

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить — ему всё равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только наврное сеять пойдет.

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется — беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орел...

Поняли?.. нет!.. Ну, беда небольшая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Благо теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна,

А остальное всё сделает время.
Сеет он всё-таки доброе семя!

В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы, — то бугор, то овраг.

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повеет весной

С теплого края, оттуда, где люди
Дышат вольнее — в три четверти груди, —
Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега, —
Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок и полон до края
Жалкий овраг... Пролетела весна —
Выжжет опять его солнце до дна,
Но уже зреет на ниве поемной,
Что оросил он волною заемной,
Пышная жатва. Нетронутых сил
В Саше так много сосед пробудил...
Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна
Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.
Чем неутешнее дитячко ваше,
Тем встрепенется светлее и краше:
В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно!

1855

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлись — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,

Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой...
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздорком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале — то скорей.
Идут — перекоряются!
Кричат — не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночку целую
Так шли — куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядя
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

«Куда?..» — Переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые

В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходокам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел — умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться —
Устали — не дойдем,
Присядем, — делать нечего,
До солнца отдохнем!..»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили
Поели — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, —
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,

Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуше прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса...

Гляди — уж и вцепилися!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два брата Губины
Утюжат Прова дюжего —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! — направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими, —
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил как встрепанный
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка.
Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...

Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать!¹
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших дерев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть слышала
Людские голоса —
Пришла к костру, оставила
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит!

Сова — замоскворецкая
Княгиня — тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

¹ Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», — говорит народ).

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят...

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напились,
Умылись, освежились,
Сон начал их кренить...

Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну — с ладони скатишься,
Чихну — в огонь укатишься,
Шелкну — мертва покатишься,
А всё ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Всё царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Поспросим — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

«Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!» —
Сказал угрюмый Пров.

«Да по ведру бы водочки», —
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

«Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку», —
Шутили мужики.

«А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску».

«А вечером по чайничку
Горячего чайку...»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: всё прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человечесьим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

— А что ты дашь? —

«Дам хлебушка

По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

— А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков? —

«Найти — найдете сами вы.
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».

— Скажи! —

«Идите по лесу
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,

Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобраная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
*«Эй! скатерть самобраная!
Попотчуй мужиков!»*
По вашему хотению,
По моему велению,
Всё явится тотчас.
Теперь — пустите птенчика!»

— Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю, —
Ответил ей Пахом. —
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одежду старую
На нас заворижи! —

— Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносились! —
Потребовал Роман.

— Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбились, —
Потребовал Демьян.

— Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася, —
Потребовал Лука.

— Не прели бы онученьки... —
Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
«Всё скатерть самобраная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет... Ну, пусть!..»

Раскрыв ладонь широкоую,
Пахом птенца пустил.
Пустил — и птенчик крохотный
Помалу, по полсаженки,

Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два — исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулись
Искать столба тридцатого.
Нашли! — Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...

Крестьяне покопались,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобраную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобраная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

«А что же нет огурчиков?»

«Что нет чайку горячего?»

«Что нет кваску холодного?»

Всё появилось вдруг...

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,
Пошел тут пир горой!

На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведают
Как ни на есть — доподлинно,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

Глава I

ПОП

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов...
Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!

На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит — молчит, лежит — молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода — куда ни глянь!
Поля совсем затоплены.
Навоз возить — дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»
Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Всё больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются, —
Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

«Небось! мы не грабители!» —
 Сказал попу Лука.
 (Лука — мужик присадистый
 С широкой бородищею,
 Упрям, речист и глуп.
 Лука похож на мельницу:
 Одним не птица мельница,
 Что, как ни машет крыльями,
 Небось не полетит.)

«Мы мужики степенные,
 Из временнообязанных,
 Подтянутой губернии,
 Уезда Терпигорева,
 Пустопорожней волости,
 Окольных деревень:
 Заплатова, Дырявина,
 Разутова, Знобишина,
 Горелова, Неелова —
 Неурожайка тож.
 Идем по делу важному:
 У нас забота есть,
 Такая ли заботушка,
 Что из домов повыжила,
 С работой раздружила нас,
 Отбила от еды.
 Ты дай нам слово верное
 На нашу речь мужицкую
 Без смеху и без хитрости,
 По совести, по разуму,
 По правде отвечать,
 Не то с своей заботушкой
 К другому мы пойдём...»

— Даю вам слово верное:
 Коли вы дело спросите,
 Без смеху и без хитрости,
 По правде и по разуму,
 Как должно отвечать,
 Аминь!.. —

«Спасибо. Слушай же!
 Идя путем-дорогою,
 Сошлись мы невзначай,
 Сошлись и заспорили:
 Кому живется весело,
 Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как — вольготно, счастливо
Живешь, честной отец?..»

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил:— Православные!
Роптать на Бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу... а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте! —

«Начинай!»

— В чем счастье, по-вашему?
Покой, богатство, честь —
Не так ли, други милые? —

Они сказали: «Так»...

— Теперь посмотрим, братия,
 Каков попу *покой*?
 Начать, признаться, надо бы
 Почти с рожденья самого,
 Как достается грамота
 Поповскому сынку,
 Какой ценой поповичем
 Священство покупается,
 Да лучше помолчим!

.....

Дороги наши трудные,
 Приход у нас большой.
 Болящий, умирающий,
 Рождающийся в мир
 Не избирают времени:
 В жнитво и в сенокос,
 В глухую ночь осеннюю,
 Зимой, в морозы лютые,
 И в половодье вешнее —
 Иди — куда зовут!
 Идешь безотговорочно.
 И пусть бы только косточки
 Ломались одни, —
 Нет! всякий раз намается,
 Переболит душа.
 Не верьте, православные,
 Привычке есть предел:
 Нет сердца, выносящего
 Без некоего трепета
 Предсмертное хрипение,
 Надгробное рыдание,
 Сиротскую печаль!
 Аминь!.. Теперь подумайте,
 Каков попу *покой*?.. —

Крестьяне мало думали.
 Дав отдохнуть священнику,
 Они с поклоном молвили:
 «Что скажешь нам еще?»

— Теперь посмотрим, братия,
 Каков попу *почет*?
 Задача шекотливая,
 Не прогневить бы вас?..

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьей?
Чур! отвечать на спрос! —

Крестьяне позамялися,
Молчат — и поп молчит...

— С кем встречи вы боитесь,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос! —

Кряхтят, переминаются,
Молчат!

— О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чувствуете вы?
Кому вдогон, как мерину,
Кричите: го-го-го?.. —

Потупились ребяташки,
Молчат — и поп молчит...
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонushка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается —
Быть сильному дождю.

А правая сторонushка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо Божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...

«Не сами... по родителям
Мы так-то...» — братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал:— Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики... —
«Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!»

— Теперь посмотрим, братия,
Откудова *богачество*
Поповское идет?..
Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодились и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралось,
Что деток нарождалось
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако добротные
То были господа,
Прихода не чуждались:
У нас они венчались,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалось,
Что жил помещик в городе,

Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирынам праздник праздником...
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой холеные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом статья... раскольники...
Не грешен; не жилось я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Всё в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир...
Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчились,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.

Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов...
Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о Святой.
Крестьянин сам нуждается,
И рад бы дал, да нечего...

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь.
Родится хлеб сам-друг,
А если и разобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сухую безделицу,
А там — неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях — вода!
Умилосердись, Господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса!¹
(Сняв шляпу, пастырь крестится
И слушатели тож.)

Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые

¹ Крутая радуга — к вёдру; пологая — к дождю.

Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей придется
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!
Конечно, дело чистое —
За требу воздаяние,
Не брать — так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой... Аминь... —

Покончил речь — и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступилися,
Низенько поклонилися,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорилися,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку.

«Что, взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
«Дворяне колокольные —

Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый Божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина — не житье!
Попова каша — с маслицем,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи — с сметком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудет!»
Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатую?
Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посейчас козел!..»

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно быть так и сталося,
Да, к счастью крестьянина,
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре...

Глава II

СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину

И ранняя и дружная,
А тут — хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой — пустехонько!
А день сегодня праздничный.
Куда пропал народ?..»
Идут селом — на улице
Одни ребята малые,
В домах — старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок — собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!
Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд,
Над прудом реют ласточки;

Какие-то комарики,
 Проворные и тощие,
 Вприпрыжку, словно посуху,
 Гуляют по воде.
 По берегам, в раkitнике,
 Коростели скрипят.
 На длинном, шатком плотике
 С вальком поповна толстая
 Стоит, как стог подщипанный,
 Подтыкавши подол.
 На этом же на плотике
 Спит уточка с утятами...
 Чу! лошадиный храп!
 Крестьяне разом глянули
 И над водой увидели
 Две головы: мужицкую,
 Курчавую и смуглую,
 С серьгой (мигало солнышко
 На белой той серьге).
 Другую — лошадиную
 С веревкой сажен в пять.
 Мужик берет веревку в рот,
 Мужик плывет — и конь плывет,
 Мужик заржал — и конь заржал.
 Плывут, орут! Под бабою,
 Под малыми утятами
 Плот ходит ходенем.

Догнал коня — за холку хватъ!
 Вскочил и на луг выехал
 Детина: тело белое,
 А шея как смола;
 Вода ручьями катится
 С коня и с седока.

«А что у вас в селении
 Ни старого ни малого,
 Как вымер весь народ?»
 — Ушли в село Кузьминское,
 Сегодня там и ярмонка
 И праздник храмовой. —
 «А далеко Кузьминское?»

— Да будет версты три. —

«Пойдем в село Кузьминское,
 Посмотрим праздник-ярмонку!» —

ПРИЛОЖЕНИЕ

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПРИПИСЫВАЕМЫЕ НЕКРАСОВУ**

ТОЛК С НОВЫМ ГОДОМ

Здравствуй, братец Новый год!
Ну садись-ка, потолкуем,
Как с тобою мы надуем
Православный наш народ.
Нынче люди — бог их знает —
Мудрено себя ведут.
Сидор Карпа надувает,
Смотришь — Сидор сам надут...
Перепутаются мысли
От вседневной кутерьмы,
Хоть по алгебре расчисли —
Всё внакладе мы да мы.
Издадим-ка два журнала,
Слепим бричку без осей
Да наделаем из сала
Восковых себе свечей.
А чтоб в люди выйти разом,
Ярко мы осветим газом
Глупости своих друзей.
Для детей составим книги
(Ведь на них теперь расход)
И на акциях до Риги
Смело пустим весоход...
Иногда же, так, от скуки,
Гальванические штуки
Можно будет отливать;
Иль, приделав к шару крылья,
В новый свет за кошенилью
Станем с выгодой летать;

Иль давай, mon cher¹, писать,
Не шутя, проект, ей-богу!
Про железную дорогу,
Хоть на Дон, в пример сказать...
А когда об нас по миру
Зашумит, мой друг, молва —
Нам авось дадут квартиру
И — казенные дрова!..

1841

К N. N.

Мой бедненький цветок в красе благоуханной,
На радостной заре твоих весенних дней
Тебя, красавица, прищелец нежеланный
Сорвал по прихоти своей.

Расчетам суеты покорно уступая,
Ты грустно отреклась мечтаний молодых —
И вот тебя скует развалина живая
В своих объятиях ледяных.

Но ведь придет пора сердечного томленья,
Желанья закипят в взволнованной крови,
И жадно грудь твоя запросит наслажденья
В горячке огненной любви.

Мечта коварная твой жаркий бред обманет,
И к ложу твоему полночною порой
Прекрасный юноша невидимо предстанет
В разгаре силы молодой.

И вся отдашься ты могучему влечению,
И обовьешь рукой создание грез живых,
Но призрак сладостный исчезнет в то мгновенье...
И кто ж в объятиях твоих? —

Старик... холодный труп!.. Тебе упреком грянут:
«Зачем смущаешь ты бесчувственный покой?»
И как мучительно, убийственно обманут
Восторг души твоей больной.

1841

¹ Милый (франц.).

ПОСЛАНИЕ К СОСЕДУ

Гну пред тобою низко спину
За сладко-вкусный твой горох.
Я им объелся! Я в восторг
Пришел!.. Как сахар, как малину,
Я ел горошины твои.
Отменно ты меня уважил!
Я растолстел, я славно зажил,
Я счастлив! Словно как любви
Краснокалеными устами
Я отогрет! — и жизнь моя
Светлостеклянными струями
Бежит, как утлая ладья,
Бежит проворно, звонко, прытко,
И вот (подарок невелик,
Но от души — не от избытка)
Стихов отборных четверик
Тебе я шлю... На, ешь!.. Что? будет?..
Авось придет тебе на вкус...
А не придет — я не боюсь:
Не выдаст друг и не осудит!
Почтенный, добрый и прямой,
Неприхотливый, несердитый,
Подарок старого пииты
Ты примешь ласковой душой,
Хоть он нелепый и пустой...

1844

ОДА «СОН»

(Подражание Василию Кирилловичу Тредьяковскому)

Покоясь спят все одре мягком на,
Тем приятства вкушая от сладкого сна;
С лирой лишь в руке не дремлет пиит;
Того горит око и лира звенит;
Хвалит он ночь, свет дневной запрудившу,
В просвещенном же уме его родившую виршу...
Некий Орфей как певал, ему так все внимали,
Что мухи, жуки, журавли, граки и индейки скакали...

1845

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1838

Мысль	7
Смерти	7
Безнадежность	8
Человек	9

1839

Поэзия	10
Моя судьба	11
Два мгновения	11
Изгнанник	12
Рукоять	15
Сонет	15
Жизнь	15
Коллизей	16
Ангел смерти	18
Встреча душ	19
Истинная мудрость	22
Земляку	24
Горы	26
Злой дух	27
Незабвенная	28
Турчанка	29
Сомнение	31
Песня («Мало на долю мою бесталанную...»)	33
Покойница	33
Землетрясение	34
Ворон. <i>Баллада</i>	39
Рыцарь. <i>Баллада</i>	41
Водяной. <i>Баллада</i>	42
Пир ведьмы	43
Непонятная песня	45
Незабвенный вечер	46
Могилы брата	48
Вчера, сегодня. <i>Сонет</i>	49
Ночь	49
Дни благословенные	51
Загадка («Непостижностью святынею...») <i>Сонет</i>	51
Обет	52
Красавице	52
Тот не поэт	54
Песня Замы	54
Час молитвы	55
Смуглянке	56
Весна	57
Сердцу	58
Признание	59

Разговор	60
Дума («О чем тоска и сокрушенье...»)	64
<В альбом Марии Фермор>	65
1840	
В альбом	66
Мелодия	66
Наш век	67
Офелия	69
Провинциальный подьячий в Петербурге	
<1>. «Ох, времечко! Скорехонько...»	70
<2>. Снова — Здорово!	73
<3>. Провинциальный подьячий опять в Петербурге.	
Беда неминуемая и радость могучая	76
Слеза разлуки	125
«К ней!!!!!»	125
День рождения	127
Скорбь и слезы	127
Сказка о царевне Ясносвете	127
1841	
Табак	146
Актриса	146
1842	
Песнь Марии (<i>Из драмы «Материнское благословение»</i>)	148
«В хижину бедную, Богом хранимую...»	148
1843	
Портреты	149
Кабинет восковых фигур	151
1843—1845	
Говорун. <i>Записки Петербургского жителя А. Ф. Белопяткина</i>	164
«И он их не чуждался в годы оны...»	182
«И так за годом год... Конечно, не совсем...»	182
1844	
И скучно, и грустно!	183
Ростовщик	183
Чиновник	185
Отрывок («Родился я в губернии...»)	190
1845	
В дороге	192
Пьяница	194
«Отрадно видеть, что находит...»	195
Колыбельная песня (<i>Подражание Лермонтову</i>)	195
«Стишки! стишки! давно ль и я был гений?..»	197
Послание к другу (<i>из-за границы</i>)	198
Новости (<i>Газетный Фельетон. 1845</i>)	200
Современная ода	206
Старушке	206
«Он у нас осьмое чудо...»	207
«Когда из мрака заблужденья...»	207
«Пускай мечтатели осмеяны давно...»	208
1846	
Перед дождем	209
«Ходит он меланхолически...»	209

Огородник	209
«Я за то глубоко презираю себя...»	211
Тройка	212
Родина	213
Псовая охота	214
«В неведомой глуши, в деревне полудикой...» (Подражание Лермонтову)	220
«Так, служба! сам ты в той войне...»	221
1847	
Нравственный человек	222
«В один трактир они оба ходили прилежно...»	223
«Если, мучимый страстью мятежной...»	223
«Еду ли ночью по улице темной...»	224
«Ты всегда хороша несравненно...»	225
1848	
«Когда горит в твоей крови...»	226
Вино	226
«Поражена потерей невозвратной...»	228
«Вчерашний день, часу в шестом...»	228
1850	
«Прихожу на праздник к чародею...»	229
«Так это шутка? Милая моя...»	229
«Да, наша жизнь текла мятежно...»	230
«Я не люблю иронии твоей...»	231
На улице	
1. Вор	232
2. Проводы	232
3. Гробок	233
4. Ванька	233
1851	
Мое разочарование	234
Деловой разговор	236
«Мы с тобой бестолковые люди...»	245
Новый год	246
1852	
«Блажен незлобивый поэт...»	248
Муза	249
«Ах, были счастливые годы!..» (Из Гейне)	250
За городом	251
Старики	251
Прекрасная партия	252
«О письма женщины, нам милой!..»	258
Застенчивость	259
1853	
Филантроп	261
«Я посягну на неприличность...»	265
Памяти Белинского	265
Буря	266
Отрывки из путевых записок графа Гаранского	266
1854	
В деревне	270
14 июня 1854 года	272

«Мы, посетив тебя, Дружинин...»	272
Признания труженика	273
Несжатая полоса	275
«Пробил час!.. Не скажу, чтоб с охотой...»	276
«Стол накрыт, подсвечник вытерт...»	277
Лето	277

1855

Маша	278
«Я сегодня так грустно настроен...»	279
Свадьба	279
«Давно — отвергнутый тобою...»	280
Памяти <Асенков>ой	281
Извозчик	283
Влас	285
Наследство	288
«Чуть-чуть не говоря: «Ты сушая ничтожность!»...»	288
«Зачем насмешливо ревнуешь...»	288
Секрет (<i>Опыт современной баллады</i>)	290
«Праздник жизни — молодости годы...»	292
«Безвестен я. Я вами не стяжал...»	293
«Тяжелый крест достался ей на долю...»	293
Последние элегии	
1. «Душа мрачна, мечты мои унылы...»	294
2. «Я рано встал, недолги были сборы...»	295
3. «Пышна в разливе гордая река...»	295
«Еще скончался честный человек...»	296
Карета	297
«Фантазии недремлющей моей...»	297
На родине	297
«Ты меня отослала далеко...»	297
«О, не склоняй победной головы...»	298
Гадающей невесте	298
В больнице	298
Забытая деревня	301
«Замолкни, Муза мести и печали!..»	302
«Где твое личико смуглое...»	303
Демону	303

1855—1856

Поэт и гражданин	305
«Внимая ужасам войны...»	313
«Тяжелый год — сломил меня недуг...»	313
«Не знаю, как созданы люди другие...»	314
«Не гордись, что в цветущие лета...»	314
«Семьдесят лет бессознательно жил...»	314
«Во вражде неостывающей...»	314
«Кто долго так способен был...»	315
«Так говорила актриса отставная...»	315
«И на меня, угрюмого, большого...»	315
«О, пошлость и рутина — два [гиганта]...»	315

1856

Прощанье	316
Влюбленному	316
Княгиня	317

«Самодовольных болтунов...»	318
Прости	319
«Как ты кротка, как ты послушна...»	319
«Я посетил твоё кладбище...»	320
Школьник	321
<Тургеневу («Прощай! Завидую тебе...»)	322
«Белый день недолог...»	322
1857	
Убогая и нарядная	324
<В альбом О. С. Чернышевской>	327
1857—1858	
«Всевышней волею Зевеса...»	328
1858	
«Стихи мои! Свидетели живые...»	329
Н. Ф. Крузе	329
«В столицах шум, гремят витии...»	330
Размышления у парадного подъезда	330
«Ночь. Успели мы всем насладиться...» (<i>Отрывок</i>)	333
1859	
<А. Е. Мартынову>	334
Дружеская переписка Москвы с Петербургом	334
1. Московское стихотворение	334
2. Петербургское послание	335
Песня Еремушке	337
<В альбом С. Н. Степанову>	339
1860	
Папаша	340
Первый шаг в Европу	344
«О гласность русская! ты быстро зашагала...»	345
Мысли журналиста при чтении программы, обещающей не шадить литературных авторитетов	346
Знахарка	347
Что поделявает наша внутренняя гласность?	349
Плач детей	350
На Волге (<i>Детство Валежникова</i>)	351
«Что ты, сердце мое, расходилося?...»	358
«.....одинокий, потерянный...»	358
Деревенские новости	359
На псарне	362
1860—1861	
Финансовые соображения (<i>Голос из провинции</i>)	363
Литературная травля, или Раздраженный библиограф (<i>Эпизод из поэмы-автобиографии Саввы Намордникова</i>)	365
1861	
Разговор в журнальной конторе	369
Гимн «Времени», новому журналу, издаваемому М. Достоевским	370
На смерть Шевченко	371
Похороны	372
Крестьянские дети	374
Дума («Сторона наша убогая...»)	380
20 ноября 1861	381

«Что ни год — уменьшаются силы...»	382
Свобода	382
«Приятно встретиться в столице шумной с другом...»	383
Слезы и нервы	383
1862	
Дешевая покупка. <i>Петербургская драма</i>	385
Рыцарь на час	387
«Литература с трескучими фразами...»	392
1862—1863	
«В полном разгаре страда деревенская...»	393
Зеленый шум	394
Что думает старуха, когда ей не спится	395
1863	
Кумушки	397
Песня об «Аргусе»	398
Калистрат	402
«Надрывается сердце от муки...»	402
«Благодарение Господу Богу...»	403
«Явно родственны с землей...»	404
Вступительное слово «Свистка» к читателям	404
Пожарище	407
Орина, мать солдатская	408
1864	
Начало поэмы	412
Возвращение	413
Железная дорога	413
Памяти Добролюбова	417
Притча о Ермолае трудящемся	418
1858—1865	
О погоде. <Часть первая>	
I. Утренняя прогулка	419
II. До сумерек	422
III. Сумерки	427
О погоде. Часть вторая	430
I. Крещенские морозы	430
II. Кому холодно, кому жарко!	433
1865	
Газетная	438
<Чернильница>	445
Легенда о некоем покаявшемся старце, или Седина в бороду, а бес в ребро	446
1863—1866	
Из автобиографии генерал-лейтенанта Федора Илларионовича рудометова 2-го, в числе прочих в 1857 году	448
1865—1866	
Песни о свободном слове	
I. Рассыльный	450
II. Наборщики	451
III. Поэт	454
IV. Литераторы	455
V. Фельетонная букашка	455

VI. Публика	456
VII. Осторожность	461
VIII. Пропала книга!	463
<Из «Песен о свободном слове»>	
III. Журналист-Руководитель	464
IV. Журналист-Рутинер	465
1866	
Балет	467
«Эти не блещут особенным гением...»	476
«Чего же вы хотели б от меня...»	476
В. И. Асташеву	477
Осипу Ивановичу Комиссарову	478
«Ликует враг, молчит в недоуменье...»	478
<Экспромт при отъезде А. Д. Дмитриева из Ярославля в Киев после речи А. С. Петровского>	479
Песни	
I. «У людей-то в дому — чистота, лепот...»	479
II. Катерина	479
III. Молодые	480
IV. Сват и жених	481
Гимн	482
1866—1867	
Сцены из лирической комедии «Медвежья охота»	483
Песня о труде (Из «Медвежьей охоты»)	498
Песня (Из «Медвежьей охоты»)	499
Человек сороковых годов	500
Перед зеркалом	501
1867	
Суд. Современная повесть	502
«Умру я скоро. Жалкое наследство...»	511
Еще тройка	513
«Зачем меня на части рвете...»	514
Притча о «Киселе»	515
Выбор	520
Эй, Иван! (Тип недавнего прошлого)	522
С работы	524
<Эпитафия> («Зимой играл в картишки...»)	525
1868	
«Не рыдай так безумно над ним...»	526
Мать	526
Дома — лучше!	527
«Душно! без счастья и воли...»	527
«Наконец не горит уже лес...»	527
1870	
Притча	528
1870—1871	
«Сыны «народного бича»...»	533
1871	
Недавнее время (А. Н. Ер<ако>ву)	534
1872	
Кузнец (Памяти Н. А. Милютина)	553
Бунт (Живая картина)	553

1867—1873

Стихотворения, посвященные русским детям

I. Дядюшка Яков	554
II. Пчелы	556
III. Генерал Топтыгин	557
<IV>. Дедушка Мазай и зайцы	560
<V>. Соловьи	564
<VI>. Накануне Светлого праздника	566

1872—1873

Утро	569
----------------	-----

1873

Детство (<i>Неоконченные записки</i>)	571
Е. О. Лихачевой. Экспромт (<i>«Уезжая в страну равноправную...»</i>)	574

1872—1874

Страшный год (1870)	575
«Смокли честные, доблестно павшие...»	576

1874

Над чем мы смеемся...	577
Три элегии (А. Н. Плещееву)	578
<П. А. Ефремову> (<i>«Взглянув чрез много, много лет...»</i>)	580
Уныние	580
Путешественник	585
Отъезжающему	586
Горе старого Наума (<i>Волжская Быль</i>)	586
Элегия. А. Н. Е<рако>ву	595
«Хотите знать, что я читал? Есть ода...»	596
Пророк	596
Ночлеги	
I. На Постоялом Дворе	597
II. На Погорелом Месте	600
III. У Трофима	601
На покосе (<i>Из «Записной книжки»</i>)	603
Поэту (<i>Памяти Шиллера</i>) (<i>«Где вы — певцы любви, свободы, мира...»</i>)	604
Литературная травля, или «Не в свои сани не садись»	604

1875

М. Е. С<алтыко>ву (<i>При отъезде его за границу</i>)	606
«Трудом и бескорыстной целью...»	606
<Экспромт на лекции И. И. Кауфмана>	606
О. А. Петрову (<i>В день 50-летнего юбилея</i>)	606

1876

Автору «Анны Карениной» (<i>Из «Записной книжки»</i>)	607
Как празднуют трусу	607
К портрету ** (<i>«Твои права на славу очень хрупки...»</i>)	608
З<и>не (<i>«Ты еще на жизнь имеешь право...»</i>)	608
«Скоро стану добычею тленья...»	608
«Угомонись, моя Муза задорная...»	609
З<и>не (<i>«Двести уж дней...»</i>)	609
Сеятелям	610
Молебн	610
Друзьям	610

Музе	611
Вступление к песням 1876—77 годов	611
— Ну («Человек лишь в одиночку...»)	612
«Не за Якова Ростовцева...»	612
«Ни стыда, ни сострадания...»	612

1861—1877

Т<ургене>ву («Мы вышли вместе... Наобум...»)	613
--	-----

1877

Сказка о добром царе, злом воеводе и бедном крестьянине	615
Отрывок («...Я сбросила мертвящие оковы...»)	616
Старость	617
Приговор	617
«Дни идут... всё так же воздух душен...»	617
«Есть и Руси чем гордиться...»	618
«Завейся, впрочем, шляпу...»	618
Посвящение	618
Горящие письма	618
З<и>не («Пододвинь перо, бумагу, книги!..»)	619
Поэту («Любовь и Труд — под грудами развалин!..»)	619
Баюшки-баю	619
<Из поэмы «Без роду, без племени»>	621
«Черный день! Как нищий просит хлеба...»	621
«Он не был злобен и коварен...»	622
Ты не забыта	622
Осень	622
Муж и жена	623
Сон	624
«Так запой, о поэт! Чтобы всем матерям...»	624
«Великое чувство! У каждых дверей...»	624
П о д р а ж а н и е Ш и л л е р у	
I. Сущность	624
II. Форма	625
«Скоро — приметы мои хороши...»	625
Букинист и библиограф (<i>Отрывок</i>)	625
«Устал я, устал я... мне время уснуть...»	626
«О Муза! я у двери гроба!..»	626

Стихотворения неизвестных годов

Песня («Всюду с Музой проникающий...»)	627
«Дайте срок, всю правду вам...»	627
Что нового?	627
Приметы	628
К портрету *** («Развенчан нами сей кумир...»)	628
Молодые лошади (<i>Вчерашняя сцена</i>)	628
Праздному юноше	629
«Так умереть? — ты мне сказала...»	629
«Если ты красоте поклоняешься...»	629
«За желанье свободы народу...»	629
Ершов-лекарь	630

ПОЭМЫ

В. Г. Белинский	633
Саша	638
«Несчастные»	653

Тишина	675
Коробейники	680
Мороз, Красный нос	699
Дедушка	728
Русские женщины	740
Княгиня Трубецкая. <i>Поэма (1826 год)</i>	740
Княгиня М. Н. Волконская (<i>Бабушкины записки</i>) (1826—27 гг.)	763
Современники	798
Из поэмы «Мать». <i>Отрывки</i>	857
Кому на Руси жить хорошо	865
Часть первая	865
Последыш	938
Крестьянка	970
Пир на весь мир	1033

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихотворения, приписываемые Некрасову

Толк с Новым годом	1079
К N. N.	1080
Послание к соседу	1081
Ода «Сон» (<i>Подражание Василию Кирилловичу Тредьяковскому</i>)	1081
Обыкновенная история (<i>Из записок борзопища</i>)	1082
Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна. <i>Поэма в индийском вкусе</i>	1083
Ода «Чай» (<i>Подражание Василию Кирилловичу Тредьяковскому</i>)	1087
Ревность	1087
Стихотворение, <i>заимствованное</i> из Шиллера и Гёте	1089
Женщина, каких много	1089
Русская песня	1090
<Из «Сантиментального путешествия Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам»>	
<1>. «Ферапонт овчину дубил...»	1091
<2>. «О, если б мог я шар земной...»	1091
<3>. «Злодею выбиты все зубы...»	1091
<4>. Другу Копернаумову	1091
<5>. «Была прекрасная погода...»	1092
<6>. «Несчастный день! позорный день!...»	1093
<7>. «Нет, мало места здесь возвышенной натуре...»	1093
«Кто видит жизнь с одной карманной точки...»	1093
«Взирает он на жизнь сурово, строго...»	1094
На Майкова (<i>1855 года</i>)	1094
Молодое поколение своему Зоилу	1094
«Плохо, братцы, беда близко...»	1095
<Экспромт Н. П. Александровой>	1096
Коллективное	
Послание Белинского к Достоевскому	1097
Загадка («Художества любитель...»)	1098
Песнь Васеньке	1098
Послание к Лонгинову	1099
«За то, что ходит он в фуражке...»	1101
Алфавитный указатель	1103